

Долг · Честь · Мужество

Василий Ардаматский

«Я - II-I7...»

Военные
Приключения

Военные приключения. Долг. Честь. Мужество

Василий Ардаматский

«Я – 11-17...». Ленинградская зима

«ВЕЧЕ»

1958, 1970

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

Ардаматский В. И.

«Я – 11-17...». Ленинградская зима / В. И. Ардаматский —
«ВЕЧЕ», 1958, 1970 — (Военные приключения. Долг. Честь.
Мужество)

ISBN 978-5-4484-6030-2

Повесть «Я – 11–17...» рассказывает о сложной операции, проведенной советской разведкой на завершающем этапе Великой Отечественной войны, а роман «Ленинградская зима» посвящен отважной борьбе наших чекистов против действовавшей в осажденном городе фашистской агентуры.

УДК 821.161.1311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-6030-2

© Ардаматский В. И., 1958, 1970
© ВЕЧЕ, 1958, 1970

Содержание

«Я – 11-17...»	6
1	6
2	8
3	10
4	14
5	18
6	20
7	24
8	28
9	34
10	38
11	40
12	43
13	47
14	50
15	52
16	58
17	60
18	63
19	64
20	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Василий Ардаматский «Я – 11-17...»; Ленинградская зима

Серия «Военные приключения. Долг. Честь. Мужество»

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству, без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Ардаматский В.И., наследники, 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

«Я – 11-17...»

1

Шла к концу последняя военная зима. Наши войска уже пробивались к Берлину, а здесь, в глубоком тылу советских войск, оставался этот мешок, набитый гитлеровскими дивизиями, и уже давно здесь шли упорные бои. Вполне боеспособные, хорошо вооруженные дивизии, не сумев предотвратить свое окружение, теперь проявляли большую стойкость и военное искусство. На первых порах им сильно помогало и то обстоятельство, что в их распоряжении были порт и открытая морская дорога в Германию, – они оттуда получали вооружение и боеприпасы.

И все же мешок постепенно сжимался, и положение окруженных становилось все хуже и хуже. Перестали приходить транспорты из Германии – гитлеровской ставке было уже не до этих окруженных дивизий. О контрнаступлении из мешка немецкое командование больше не думало. У него появились совершенно иные заботы.

Оттепельной мартовской ночью солдаты разведроты капитана Дементьева, вернувшись из ночного рейда, приволокли гитлеровского офицера. Он оказался штабным капитаном с красивой фамилией Эдельвейс.

Разбудили Дементьева. Спросонья покачиваясь, он шел в домик штаба и с досадой думал, что ему предстоит сейчас допрашивать еще одного истерика. Весь вопрос только в том, какая истерика у этого: «Хайль Гитлер» или «Гитлер капут»? Дементьева одинаково раздражали и те и другие, он не верил ни тем, ни другим.

Немецкий офицер спокойно, но с любопытством рассматривал Дементьева, пока тот знакомился с отобранными у него документами. Просматривая их, Дементьев задал немцу несколько вопросов, и его уже в эти первые минуты допроса поразило, как спокойно отнесся гитлеровец к своему пленению. Держался он совершенно свободно, охотно отвечал на вопросы.

– При каких обстоятельствах вы взяты в плен?

Капитан Дементьев всегда любил задавать этот вопрос. Ответ пленного было интересно сопоставлять с тем, что уже было известно из рапорта разведчиков.

– При самых обыденных... – немец грустно улыбнулся. – Я возвращался с передовых позиций, в моем мотоцикле заглох мотор. Я разобрал карбюратор, а собрать его мне помешали ваши солдаты. Вот и все...

– Видно, война в том и состоит, – усмехнулся Дементьев, – что солдаты обеих сторон мешают друг другу жить. Но согласитесь, что мои солдаты для вас избрали помеху не самую тяжелую.

– О да! – Немец засмеялся, но тут же улыбка слетела с его лица. – Но, вероятно, эта самая тяжелая помеха ожидает меня теперь?

По напряженному взгляду немца Дементьев понял, что тот спрашивает серьезно.

– У нас пленных не расстреливают.

– О да! Их вешают.

– Это зависит от размера вашего преступления перед нашим народом, – сурово и чуть повысив голос, сказал Дементьев.

– Но, говорят, самым страшным преступлением у вас считается принадлежать к партии Гитлера. Не так ли? А я как раз убежденный национал-социалист. С тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

– Убежденный? – Дементьев с хитрецей смотрел в глаза немцу. – Убежденные выглядят не так и ведут себя иначе.

– Поминутно кричат: «Хайль фюрер!»?

– Или «Гитлер капут».

Немец засмеялся, откинувшись на спинку стула. Вместе с ним смеялся и Дементьев.

– Вы не лишены остроумия, – сказал немец. – Между прочим, вы говорите по-немецки как истинный берлинец. Откуда это у вас?

– Мой отец много лет работал в советском торгпредстве в Германии. Я вырос в Берлине.

– Берлинский акцент, как след оспы, вытравить нельзя. – Немец помолчал, затем пытливо посмотрел на Дементьева: – Приятно, капитан, выигрывать войну? Такую войну!

– Очень! – искренно ответил Дементьев.

– Верю, верю... – грустно произнес немец. – Мы ведь это тоже переживали...

– Правда, несколько преждевременно, – заметил Дементьев.

В глазах у немца сверкнул и тотчас погас злой огонек. Он опустил голову, плечи его обмякли, и он тихо сказал:

– Да, сорок пятый год – это не сорок первый.

И как только он это сказал, Дементьеву словно плеснуло в лицо огнем. Он быстро спросил:

– Где были в сорок первом?

От совершенно нового, сухого и злого голоса немец сразу подтянулся. Он, вероятно, понял ход мыслей советского офицера и ответил четко, по-военному:

– Брест – Минск – Смоленск – Вязьма. Здесь зимовал... – немец помолчал и прибавил: –

В ту зиму и произошло крушение победоносных иллюзий. Дальше была уже служба, чувство долга... словом, работа. Частный успех. Частное поражение. А история войны делалась уже помимо нас.

– Однако сейчас ваши дивизии сидят в мешке и не спешат сложить оружие. На что надеетесь?

– Я же сказал: служба. Когда лучше не размышлять и не спрашивать.

– Вы верили в возможность контрнаступления из мешка?

– Нет. Но такой приказ, насколько мне известно, в начале окружения готовился. А теперь делается нечто противоположное. Говорят, нас должны эвакуировать отсюда морем и перебросить на защиту Берлина.

Дементьев понимал всю важность этой новости, но спросил как только мог небрежно:

– Это слух или приказ?

– Скорей всего, приказ...

За окнами домика, где происходил допрос, прозвучал автомобильный гудок, послышались мужские голоса, смех. Хрипловатый басок весело спросил:

– Где тут ваша дичь?

Немецкого капитана увезли в штаб армии. Как только машина отъехала, Дементьев позвонил своему непосредственному начальнику полковнику Довгалеву и сообщил ему новость об эвакуации войск из мешка.

– Да, такие сведения у нас есть, – подтвердил полковник. – Спасибо.

Ни полковник Довгалев, ни Дементьев в это время не думали о том, что уже утром им придется встретиться специально для обсуждения именно этого вопроса и что их разговор станет началом новой страницы в военной биографии Дементьева.

2

Полковник Довгалева говорил, шагая по кабинету. У окна он останавливался, умолкал и несколько секунд смотрел, как мокрые хлопья снега падали и таяли на черной спине стоявшей под окнами автомашины. Потом он круто поворачивался и снова начинал говорить, шагая к противоположной стене. Не первый год Дементьев работал с полковником, прекрасно знал этого сурового человека и теперь видел, что Довгалева волнуется.

Дементьев неудобно сидел в низком, глубоком кресле. Он просто не привык пользоваться такой мебелью, не знал, куда девать ноги, вдруг ставшие непомерно длинными. Это раздражало, хотя все, что он слышал, радовало его смелое солдатское сердце.

Дементьеву всегда по душе были наиболее сложные задания. Он был разведчиком, а заниматься этим делом без риска невозможно. Ну, а если еще беззаветно любить это свое дело, разве не естественно желать заданий посложней, поинтересней? Выполняя задание, Дементьев не искал пути к цели полегче. У него была даже своя теория, что в разведке самое тяжелое и опасное приносит наилучший результат. Он мог бы рассказать немало разных историй, подтверждающих эту его теорию. Но Дементьев совершенно не собирался погибать. Он почти фатально верил в свою счастливую судьбу. В самом деле, он прошел разведчиком всю войну и даже царапины не получил. Была у Дементьева любимая девушка. Ее звали Тамарой. Жила она в Подмосковье. Познакомились они в тяжелую зиму сорок первого года. Дементьев оказался на постое в домике, где жила Тамара... Всю войну получала она от Дементьева письма. Одно из последних его писем заканчивалось так: «...еще раз говорю тебе – не волнуйся. Гитлер не предусмотрел многого. И, в частности, он явно забыл изготовить пулю для моей персоны. Живу! И буду жить! Вместе будем жить!...» Нет, нет, Дементьев погибать не собирался.

Слушая сейчас полковника Довгалева, Дементьев прекрасно понимал всю сложность и опасность особого задания, которое ему предстояло выполнить, и испытывал знакомое чувство радостного возбуждения.

– Вы должны знать, – говорил полковник, – что задание это совершенно не похоже на все, что вы делали до сих пор. Не лес, не болото, а большой портовый город. И вам нужно будет действовать там не одну ночь, а, может быть, недели, если не месяцы. Город битком набит гитлеровским офицером.

– На этом как раз и можно сыграть, – быстро вставил Дементьев.

– «Сыграть, сыграть...» – поморщился полковник. – Осторожнее, Дементьев! Осторожнее! По нашим сведениям, в городе скопилось огромное количество гестаповцев, бежавших из Таллина, Риги и Каунаса. Из разгромленных воинских частей. Все они ожесточены, стараются выслужиться перед начальством. Ежедневно в городе арестовывают и расстреливают десятки людей. Мы вот дадим вам несколько явочных адресов, но ни один из них не является полностью реальным.

– Ненадежные люди? – настороженно спросил Дементьев.

– Нет. Люди как раз надежные. Всю войну были связаны с нами. Выполняли большую работу. Но сейчас мы о них ничего не знаем. В большинстве это латыши, и связь с ними была через латышских партизан. Теперь связь утеряна. Словом, планируя операцию, мы должны трезво обдумать и тот вариант, что наши явки разгромлены. Но даже если они в порядке, ни одна из них вашей постоянной базой стать не может. Рисковать этими людьми нам не разрешено. Вы сможете одну из явок использовать только как первый приют на два-три дня. А потом должны сами устроить себе надежную базу. На одной из явок имеется законсервированная рация; вы ее возьмете. Дальше – связь с подпольщиками – только по самой крайней необходимости.

– Вдруг та явка, где рация, разгромлена? Я к тому, что, может, лучше мне взять рацию с собой.

– Нет. Рация – это не спичечная коробка. А ваше появление в городе с чемоданом более чем рискованно. Если в течение пяти дней вы в эфире не появитесь, мы сбросим вам рацию в условленном месте...

– Ясно. Каким способом я попаду в Н.?

– Ночью мы устроим массированный налет на город, и под этот шумок вы прыгнете со специального самолета.

– Когда?

– Завтра ночью.

– Завтра? – Дементьев, не веря, смотрел на полковника.

Довгалеv подошел к нему вплотную. Капитан встал.

– Да, Дементьев, завтра ночью.

– Ну что ж, завтра так завтра. Разрешите идти к оперативникам?

– Идите, Дементьев.

Капитан вышел из кабинета своей быстрой и легкой походкой. Когда дверь за ним закрылась, полковник Довгалеv вслух сказал:

– Он справится. И останется жив! – полковник произнес это так, точно хотел убедить не только себя, но и саму судьбу.

3

Наши бомбардировщики, прилетая небольшими группами, бомбили Н. больше двух часов. Самолет, на котором находился Дементьев, сделав обманный маневр, приближался к городу со стороны моря. Он летел на небольшой высоте.

Прильнув к окну, Дементьев видел пожары в разных местах города. В небе шастали лучи прожекторов, рвались зенитные снаряды.

Дементьев наблюдал за всем так спокойно, будто это не имело к нему никакого отношения.

А думал он в это время про самое неожиданное... Вот досада – забыл отчитать лейтенанта Козырькова за неопрятный вид. Просто удивительно, как не понимает парень, что внешний вид офицера – это его второе удостоверение личности... Жаль сержанта Малова – очень грустное письмо получил он из дому. Ни кола ни двора. Половина большой семьи погибла. Как утешить человека в таком горе? И все же нужно было поговорить с сержантом по душам... Интересно, каким будет первый день мира? Вдруг пойдет дождь? Или разойдется гроза, и люди подумают, что бьет артиллерия?.. Дементьев задумчиво улыбался.

Второй пилот вышел из кабины и тронул Дементьева за плечо.

– Давай сюда. – Летчик подвел Дементьева к зияющей дыре открытой двери. Спокойно, точно речь шла о чем-то простом и обыденном, сказал: – Гляди на лампочку. Как загорится – прыгай! – Он улыбнулся Дементьеву, рядом с ним прислонился к стенке самолета и стал смотреть на лампочку.

Теперь через дверь Дементьев видел густую темноту ночи и больше ничего. Наверно, самолет удалился от города... Было страшновато, черт возьми, думать, что вот через эту черную дыру нужно будет шагнуть в неведомую, темную бездну.

Лампочка медленно, точно нехотя, загорелась тусклым багровым накалом. Дементьев кивнул летчику и шагнул в пропасть. В уши ударил рев моторов. Упругий воздух отшвырнул его от самолета. Рев моторов уже не слышен. Хлопок расправившегося парашюта. Резкий рывок. Тишина. Покой. Ночь...

В течение немногих секунд снижения с парашютом Дементьев подумал о двух вещах. С досадой о том, что в спешке подготовки к отлету у него не нашлось пяти минут написать письмо Тамаре. Неизвестно, сколько придется ему проторчать в городе Н., а она будет думать бог знает что... И с беспокойством о том, как произойдет приземление, – все-таки это был всего только третий его прыжок с парашютом...

Внезапно Дементьев увидел землю. Вернее, он увидел черные пятна кустарника на белом снегу. Приземлился он, как и было рассчитано, на заснеженном болоте, неподалеку от шоссе-ной дороги. Увязнув в снегу по пояс, подтянул парашют, отстегнул его и затоптал в снежную яму. Потом осторожно вышел на шоссе, выпростал из-под ремня подобранные полы немецкой офицерской шинели и неторопливо зашагал к городу.

По шоссе шел уже не Дементьев. Это был капитан немецкой армии Пауль Рюкерт, уроженец Берлина, возраст – 31 год, стаж воинской службы – восемь лет. Последняя должность... На этот вопрос Пауль Рюкерт мог дать несколько ответов. И, что самое удивительное, он мог из разных карманов извлечь ровно столько же документов, с абсолютной достоверностью подтверждающих любой из его ответов. Каждый из этих документов был изготовлен великолепными мастерами графики и литографии. Тот немецкий начальник, который в свое время подписал подобный документ, посмотрев на этот, сказал бы: «Да, это моя подпись». Больше того, если бы эти документы, среди других, были бы предъявлены специалисту по немецкой военной документации, он вряд ли обнаружил бы, что они поддельные. Дементьев мог свято верить в непогрешимость своих документов. И он верил. Но все же продумал миллион уловок, как

избежать чересчур частого предъявления документов. В обычных его рейдах по вражеским тылам, если приходилось столкнуться с гитлеровцем накоротке, ситуация мгновенно разрешалась с помощью огнестрельного или холодного оружия. Здесь это исключалось, и к этому новому положению Дементьеву предстояло привыкать...

Внимание, Дементьев! Навстречу движется колонна машин.

Дементьев закинул руки за спину, сцепил их там и шел, уставясь в землю. Шел посередине шоссе. Что вы хотите? Шагающий в город офицер задумался. Слава богу, фронтовикам сейчас есть о чем подумать. Вот он и задумался так, что ничего не видит и не слышит.

Отрывистый сигнал сирены. Дементьев отскакивает в сторону и грозит кулаком. Машины с ревом проносятся мимо, вздымая мокрую снежную слякоть. Дементьев успел заметить, что машины нагружены снарядами ящиками. Значит, в городе у них какие-то запасы снарядов еще имеются. Ну что ж, спасибо и на этом.

Город был все ближе. Оттуда доносились глухие и тяжкие удары фугасок, в двух местах полыхали зарева огромных пожаров. Дементьев услышал ровный гул над головой и посмотрел на часы. Да, в атаку на город шла последняя волна наших самолетов. «Удачи вам, родные! И просьба – хоть одну фугаску положите поближе к их штабу. Мне очень важно, чтобы они нервничали...»

Дементьев вошел в город, когда налет прекратился. Зенитчики еще продолжали расстреливать черное небо. Но вот стрельба внезапно оборвалась, и прожекторы погасли, будто город почувал, что Дементьев вошел в него, и затаился перед этой новой для него опасностью, еще не зная, как против нее действовать.

Улица, по которой шел Дементьев, была узкой-узкой, шага три в ширину. Старинные, основательные дома со скошенными лбами мансардных крыш вплотную жались друг к другу. Улица была похожа на каменную траншею. В самом ее конце виднелся тонкий и острый силуэт костела. Дементьев шел посередине улицы, цокая подковками сапог по присыпанному снежком булыжнику. Его шаги отдавались тупым эхом, которое слышалось откуда-то сверху.

То, что Дементьев попал в город во время воздушной тревоги, имело и свою неприятную сторону – его движение по совершенно безлюдным улицам было очень заметным. Не успел Дементьев подумать об этом, как из темноты каменного туннеля ворот его окликнул осторожный голос:

– Господин офицер, укройтесь сюда.

Дементьев на мгновение замер, но тут же послушно шагнул в нишу ворот. У каменной стенки стояли два солдата. Один из них вытянулся перед Дементьевым и робко, точно извиняясь, сказал:

– Отмены воздушной тревоги еще не было.

Дементьев засмеялся:

– Я вижу, у вас тут все как по нотам. А у нас... там... – Дементьев повел плечом, и солдат понял, что офицер говорит о фронте, – такого образцового порядка нет. Прилетают и швыряют на нас бомбы без предупреждения. Днем и ночью.

– Трудно сейчас... там? – помолчав, спросил солдат.

– Все в полном порядке, мой солдат! – шутливо отрапортовал Дементьев. – Скажи-ка лучше, как пройти на Шестигранную площадь. Есть тут такая?

– Есть, есть! – с поспешной готовностью ответил солдат. – Это недалеко. Вот по этой улице до костела и направо. Вам, наверно, нужен объект номер три?

– Что мне нужно, я знаю. А вот тебе, мой солдат, не нужно болтать в подворотнях о секретных объектах! – сердито выговорил Дементьев.

Солдат стукнул каблуками и вытянулся. Дементьев, не оглядываясь, вышел из ворот.

Итак, первая встреча с немцами прошла без сучка и задоринки. «Да, господа фашисты, – думал Дементьев, – видать, вам тут лихо, если первый попавшийся солдат заговаривает о труд-

ностях...» Дементьев помнил гитлеровцев первого года войны – те о трудностях войны и не думали.

У костела Дементьев повернул направо и пошел другой, такой же узенькой и темной улицей, которая вела на Шестигранную площадь. Солдат там, в воротах, мог не стараться: Дементьев и без него знал, что на Шестигранной площади, в здании банка, расположен главный штаб окруженных войск, именуемый объектом номер три. Но было на этой площади и нечто другое, весьма интересовавшее Дементьева: в маленьком двухэтажном домике, как раз напротив штаба, находилась та явочная квартира, где хранилась законсервированная радиостанция. Полковнику Довгалеву очень не нравилось, что Дементьеву придется сразу идти на явку, расположенную в такой опасной близости к главному штабу, но полковник все же согласился с Дементьевым, что лучше сразу, в самом начале операции, выяснить положение с радиостанцией...

Дементьев шел по улице уверенно, как мог идти фронтовой офицер, для которого город со всеми его страхами и строгостями не больше как часть фронта, и притом наименее безопасная. В это время он в своей цепкой памяти разведчика перебирал данные явки. Двухэтажный дом с лошадиной головой и подковой на фронтоне, квартира номер семь. Хозяин квартиры – Павел Арвидович. Его дочь зовут Лидией. Кроме них, в квартире никого не должно быть. Пароль: «Скажите, не у вас ли живет военный врач Нельке?» Ответ: «Нет, у меня живет майор Фохт».

Дементьев вышел на площадь. Она действительно оказалась шестигранной. Одна ее грань – большой мрачный дом. Нетрудно было догадаться, что это и есть объект номер три. Там у подъезда чернели автомашины и маячил часовой... А вот и дом с лошадиной головой на фронтоне. Он был слева, вторым от угла. Дементьев уже сделал туда несколько шагов, как вдруг круто повернул и пошел через площадь к зданию штаба. Мысль зайти сначала в штаб родилась внезапно, как всегда это бывало с Дементьевым, когда он во время операции вдруг решал изменить первоначальный план действий. Всегда эти смелые экспромты приносили ему успех...

Часовой молча загородил Дементьеву дорогу.

– Я офицер штаба восьмой дивизии! – строго сказал Дементьев. – Мне срочно нужно к полковнику Гешке!

Такой полковник в штабе имелся, это Дементьев знал точно. Но он знал и то, что этот Гешке – немец, а это значит: в штабе его сейчас нет. Ночью немцы спят. Этот порядок они, по возможности, соблюдают даже на переднем крае.

Часовой молчал – видимо, думал, как поступить.

– Вызовите начальника караула, – подсказал ему Дементьев.

– Один момент! – Часовой метнулся к двери и нажал кнопку.

Прошло минут пять, прежде чем появился заспанный фельдфебель.

– Что тут случилось?

– Офицер восьмой дивизии – к полковнику Гешке! – четко доложил часовой.

Фельдфебель сошел с крыльца, приблизился к Дементьеву и взгляделся в его лицо.

– Откуда это вы свалились? – насмешливо спросил он.

– Я попросил бы разговаривать со мной, как положено разговаривать фельдфебелю с капитаном армии рейха! – повысив голос, сказал Дементьев.

Фельдфебель направился к дверям:

– Идемте со мной...

Они вошли в ярко освещенный вестибюль. После ночной темени свет ударил в глаза Дементьеву – он заслонился от лампы рукой. Фельдфебель прошел за столик, позади которого стояла развороченная койка. Сестра фельдфебеля решил только после того, как Дементьев устало опустился в кресло перед столиком.

– Сейчас пятый час. Вероятно, полковник Гешке вас не ожидал? – спросил фельдфебель.
– Война... война, – рассеянно вымолвил Дементьев. – Но я не спал вовсе. У вас есть отель для приезжающих с фронта офицеров?

– Есть, – мгновенно ответил фельдфебель.

– Дайте мне туда направление или позвоните.

– Это можно... – фельдфебель схватил телефонную трубку, но тут же ее положил. – Дайте ваш документ...

– Теперь я знаю, зачем нам выдают удостоверения. На фронте их почему-то не спрашивают... – усмехаясь, Дементьев небрежно бросил на стол черную книжечку.

Внимание, Дементьев! Ведь это первый экзамен твоим документам.

Фельдфебель с серьезным лицом, не спеша смотрел удостоверение. Его, видимо, задела насмешка Дементьева, и он, как это любят делать штабные вояки, решил показать полевику, что тут ему не бункер посреди поля, тут неумолимо для всех действуют свои законы и порядки.

– Сколько времени вы, капитан, пробудете в городе?

– Не знаю, – устало ответил Дементьев, а сам весь напрягся от ощущения подступившей опасности.

– Если более суток, то вам завтра надо зайти в комендатуру. На вашем удостоверении поставят специальный штамп о пребывании в городе. Таков порядок...

На душе у Дементьева отлегло, и он решил подыграть фельдфебелю в его штабной заносчивости:

– Откуда я могу знать, на какой срок меня вызвали? Кто я такой? Генерал? Фельдмаршал? Скажут в вашем штабе – назад, только меня и видел ваш город.

– Приказ есть приказ... – благосклонно согласился фельдфебель и снова взял телефонную трубку. – Говорит дежурный комендант объекта номер три. У вас есть место?.. Очень хорошо. Сейчас к вам придет... Запишите: капитан Пауль Рюкерт... Спасибо... – фельдфебель положил трубку. – Вы город знаете?..

– Я здесь всего второй раз.

– Отель минут десять отсюда.

– Может, у вас есть дежурная машина?

– Нет. Она дежурит только до трех часов ночи.

– За час не дойдешь до вашего отеля. Ведь на каждом углу – патрули. Объясняйся с каждым...

Фельдфебель вырвал листок из настольного календаря, торопливо что-то на нем написал и протянул Дементьеву. Дементьев хотел листок взять, но фельдфебель отдернул руку:

– Прочитайте и запомните.

– Спасибо, – запомнив пароль, сказал Дементьев, тяжело поднялся, пожелал фельдфебелю спокойной ночи и ушел.

4

Все в порядке. Теперь, если с явкой неблагополучно, есть где провести остаток ночи. Дементьев посмотрел на часы – скоро начнет светать. Надо торопиться...

Звонок в явочной квартире, видимо, не работал. Дементьев нажимал кнопку несколько раз; в ответ – глухая тишина спящего дома. Дементьев постучал – решительно и громко. За дверью слышались шаги и осторожный старческий голос:

– Кто там?

– Откройте! – властно приказал Дементьев.

Дверь приоткрылась, но кто там был в темноте, за дверью, Дементьев разглядеть не мог.

– Скажите, не у вас ли живет военный врач Нельке?

– Нет. У меня живет обер-лейтенант Гримм.

Дементьев замер. Начало ответного пароля было сказано правильно, а конец не сходился.

В приоткрытую дверь высунулась седая голова, и Дементьев услышал шепот: «Завтра в зале почтамта в четырнадцать часов...»

Дверь захлопнулась. Дементьев быстро пошел вниз по лестнице. Мысль его работала мгновенными толчками; точно острый лучик света, она вонзалась в тревожную темень опасности... Явка в руках гестапо? Но тогда зачем им было изменять пароль? Не лучше ли было назвать пароль правильно, чтобы он вошел в квартиру, и там схватить его? А может, они сначала хотят проследить его связи и специально для этого исказили пароль и теперь за ним будет установлено наблюдение?.. А может, явка просто в опасности и ее хозяин дает об этом знать изменением пароля? Но как расценивать назначение свидания в почтамте?.. Честное желание хозяина явки?.. Или это сделано под диктовку гестапо?.. Но зачем гестапо откладывать его арест на каких-то десять часов и потом делать это в людном месте, а не сейчас, здесь, без свидетелей?.. Остается одно: эти десять часов они все-таки хотят за ним наблюдать. И вот когда пригодится отель для офицеров...

Дементьев шел по улице то быстро, то медленно, создавая этим трудности для возможного наблюдателя. Нарочно прошел через два патруля, пользуясь паролем, полученным от фельдфебеля. Пройдя патруль, затаивался в нише ворот, ждал, когда к патрулю подойдет наблюдатель. Но никто не подходил. Нет, слежки за ним явно не было, и это в известной мере поддерживало версию, что завтрашнее свидание на почтамте с гестапо не связано. Так или иначе, скорей в отель. Нужно отдохнуть. Кроме того, еще тогда, когда он принял решение зайти в штаб и получить там направление в отель для офицеров, он рассчитывал, что этот отель может ему пригодиться не только для отдыха...

У подъезда отеля «Бристоль» тесно жались автомашины. Смешно выглядела втиснувшаяся среди них фронтальная танкетка. Из нее по площади разносился богатырский храп водителя. Он спал на переднем сиденье, высунув через борт длинные ноги в стоптанных сапогах.

Через вертящиеся двери Дементьев вошел в вестибюль. За стойкой портье никого не было.

– Кто-нибудь живой тут есть?

Из-за гардины вышел молодой человек. Скользнув по Дементьеву равнодушным взглядом, он развернул громадную книгу:

– Капитан Рюперт?

– Рюкерт! – сердито поправил Дементьев.

– Простите. Триста пятая комната. Третий этаж. Лифт, извините, не работает. И, пожалуйста, потише: там уже спит майор Зандель.

Дементьев медленно поднимался по лестнице, обдумывая, чем ему может грозить присутствие в номере майора Занделя.

Майор спал, укрывшись с головой. Не зажигая света, Дементьев разделся. Китель повесил на стул так, чтобы была видна вплетенная в петлицу ленточка Железного креста. Внимательно осмотрев комнату, Дементьев лег в постель и стал думать...

Главное, что нужно было обдумать: завтрашнее свидание в зале почтамта. Все решало – кто он, этот хозяин явки. Дементьев знал только, что он латыш, что зовут его Павел Арвидович, что у него есть дочь и что он почти два года был связан с латышскими партизанами. Разве этого недостаточно, чтобы поверить в человека?.. В конце концов Дементьев и принял за исходное веру в хозяина явки, и стал обдумывать все доступные ему меры предосторожности на тот случай, если он окажется обманутым... Через час Дементьев заснул. Он попросту приказал себе спать – к утру он обязан быть со свежей головой.

Сосед Дементьева проснулся в восьмом часу утра. Дементьев повернулся лицом к стене и натянул одеяло на голову. Майор Зандель прошлепал босыми ногами в ванную и долго плескался там под душем. Потом вернулся в комнату и, покрывая, стал делать гимнастику. Одеваясь, он бормотал что-то себе под нос. И вдруг громко сказал:

– Коллега, так можно проспать всю войну!

Дементьев медленно повернулся на спину, неохотно стащил с головы одеяло и удивленно осмотрелся, как всегда осматриваются спросонья люди, проспавшие ночь в новом для них месте. Увидев майора, он улыбнулся:

– Доброе утро!

Майор засмеялся:

– Утро действительно как будто доброе! А вот ночь была свирепая. Наш отель не раз подпрыгивал... Как вы пришли, я уже не слышал.

– Я пришел под самое утро.

Дементьев сел на кровати и стал не спеша одеваться, рассчитывая, что майор уйдет.

Но майор уходить не собирался. Он сел в кресло, вытянув худые ноги в роскошных лаковых сапогах. «Штабной», – отметил про себя Дементьев. Умывшись, Дементьев надел китель и подошел к майору:

– Давайте знакомиться – капитан Рюкерт.

Майор встал:

– Майор Зандель.

Они пожали друг другу руки.

– Рюкерт, Рюкерт... – вспоминал майор, не выпуская руку Дементьева. – Откуда-то я эту фамилию знаю.

– Вы подзадориваете мое самолюбие! – рассмеялся Дементьев. – Я начинаю нахально думать о своей несуществующей славе и популярности.

Майор отпустил руку Дементьева, и его лицо вдруг приняло печальное и вместе с тем строгое выражение. Он помолчал и, посмотрев на часы, сказал:

– Идемте, капитан, завтракать.

Они спустились в ресторан и заняли столик возле огромного зеркального окна. Официант принял заказ и ушел.

– Вот вы, капитан, сказали о несуществующей славе... – майор вздохнул и, смотря в просвет занавесок на еще безлюдную площадь, продолжал: – А ведь у всех нас была слава подлинная, большая. Была она и у вас. Я вижу у вас гордую ленточку – Железный крест получали самые храбрые...

Майор замолчал. Дементьев напряженно обдумывал, как ему вести себя с Занделем. Направление мыслей майора он предугадывал.

В это время Дементьев уже принял решение, как себя вести, но ему нужно было получше узнать настроение майора. На его вопрос Дементьев не ответил, и за столом наступило неловкое молчание.

– Я не люблю поспешную откровенность. Потом военный гений Бисмарка для меня – всего лишь история. Моя вера сегодня – гений фюрера... – тихо и задумчиво сказал Дементьев. Заметив, как при его последних словах в глазах майора метнулась тревога, он, чтобы немного успокоить его, добавил: – Я только что пережил трагедию восьмой дивизии.

– Ах, вы из восьмой? Как же это вы уцелели? Ведь дивизия, я слышал, уничтожена.

– Это не совсем верно, – грустно сказал Дементьев. – Нас бросили в частное контрнаступление. Операция была спланирована правильно, но русские... – Дементьев пристукнул кулаком по столу. – Наши солдаты дрались, как львы, и гибли. После блуждания по лесам и болотам я вывел несколько своих парней и, как видите, вышел сам. И прибыл сюда, чтобы рассказать командованию, что произошло с нашей дивизией. – Помолчав, Дементьев добавил: – И просить назначения. Кстати, вы не в курсе дела: реально сейчас получить назначение? Я слышал, будто таких, как я, здесь больше чем достаточно.

– Я сам из таких, – задумчиво сказал майор. – Но я назначение уже получил. Дело это нелегкое. Кроме всего прочего, здесь уже действует фактор паники, он порождает беспорядок в штабных делах. У вас какие-нибудь связи в штабе есть?

– Никаких.

– Я попробую вам помочь, – помолчав, сказал майор и, улыбаясь, добавил: – Вы не удивляйтесь, что я сразу с вами разоткровенничался. Я люблю людей с открытыми лицами и слепо им верю. Может быть, зря?

– Бывают лица, которые открыты умышленно, – усмехнулся Дементьев.

– Я знаю, знаю! – испуганно согласился майор.

– Если бы вы помогли мне устроиться, я был бы вам весьма благодарен, – сказал Дементьев. И это его «если» содержало в себе и некий особый смысл, в котором майор не мог не почувствовать чуть заметную угрозу. – Я офицер, имеющий погоны и фронтовой опыт, но, увы, не имеющий никаких связей. А болтаться в резерве без дела я не смогу, не выдержу. Уйду на фронт рядовым!

Последние слова Дементьев произнес так искренне, что майор посмотрел на него с жалостью и подумал, что перед ним сидит честный, в честности своей ожесточенный фронтовой офицер, бояться которого не следует, а помочь – нужно.

– Как с вами связаться? – спросил майор.

– Если я не устроюсь жить подешевле, чем в отеле, мы будем вместе каждую ночь, – ответил Дементьев... – Если же я перейду на частную квартиру, я через два-три дня загляну к вам вечером. Можно?

– Конечно.

– Спасибо.

После завтрака Дементьев расплатился за двоих.

– Сегодня – я. Пока я бродил по болотам, у меня не было расходов и появились сбережения.

Майор засмеялся:

– Предпочитаю сбережения без блуждания по болотам.

Они дружески простились, и Дементьев пошел в город.

Прежде всего нужно сходить в комендатуру – получить отметку на удостоверении, о которой говорил фельдфебель. Да, порядок есть порядок. Господа немцы больше всего не терпят, когда нарушается порядок... Идти в комендатуру Дементьев не боялся. Ведь он предъявит там абсолютно подлинное удостоверение офицера восьмой дивизии. Оно было отобрано из целой груды документов убитых и взятых в плен гитлеровцев после того самого боя, о котором Дементьев только что рассказывал майору Занделю. У офицера, которому оно принадлежало, оказались еще письма и другие документы, позволявшие знать о нем то, что крайне важно было для его двойника – Дементьева. На удостоверении теперь только фотокарточка была не под-

линая, но, по случайности, у гитлеровца и Дементьева оказалось и некоторое внешнее сходство. Это тоже было немаловажным обстоятельством. О своем «предшественнике» Дементьев знал многое, он даже научился писать его почерком...

Словом, Дементьев вошел в комендатуру без тени опасения. Офицер комендатуры, ставивший отметки, взял у Дементьева удостоверение, заглянул в него, сделал запись в гроссбухе, поставил штамп в виде маленького треугольника и вернул удостоверение.

– Каким отделом штаба вызваны? – спросил он, снова пододвигая к себе гроссбух.

– Я приехал за назначением!

– А-а! Тогда предъявите карточку открепления с прежней должности.

– У меня ее нет! – подавляя тревогу, раздраженно произнес Дементьев.

– Как это нет? – Глаза у офицера округлились: от столкнулся с самым недопустимым – с нарушением порядка.

– Вот так – нет, и все! Вы слышали, надеюсь, о трагедии восьмой дивизии? Или, может, вас какая-то карточка волнует больше гибели целой дивизии фюрера?

Офицера это не смутило.

– Мне известна эта трагедия... но порядок есть порядок...

– Скажите, кто должен был подписать эту карточку?

– Начальник штаба.

– Он убит.

– Тогда – его заместитель.

– Убит. Еще кто?

Офицер задумался и потом сказал:

– Хорошо. Я запишу так: карточка открепления не получена в связи с особыми причинами. И в скобках помечу – восьмая дивизия.

– Пишите, как хотите, – насмешливо обронил Дементьев. – До свидания...

Дементьев вышел на улицу. Ф-фу! Ну и бюрократы же!.. Он рассмеялся от мысли, что возмущается бюрократизмом немцев.

5

В зале почтамта было многолюдно. «Молодец, – подумал Дементьев о хозяине явки. – Знает, где устраивать встречу».

Дементьев пришел сюда за час до назначенного времени: хотел посмотреть, как Павел Арвидович будет вести себя, ожидая встречи. А главное, Дементьев все-таки опасался провокации. На улице ничего подозрительного он не заметил. Всевидящим взглядом разведчика он обшарил весь зал почтамта. Ничего похожего на то, что готовится засада, он не обнаружил и здесь. За столом, где писали телеграммы, Дементьев выбрал место, откуда ему открывался почти весь зал почтамта и выход на улицу. Купив бумагу и конверт, он, подолгу обдумывая каждую фразу, начал писать письмо в Берлин, дорогой и любимой своей жене Лизетте. Самое удивительное было то, что, если бы кто-нибудь решил выяснить, существует ли в Берлине, по адресу Александрплац, 4, квартира 15 такая Лизетта, он ее там обнаружил бы. Больше того, она сказала бы, что уже давно ждет письма от своего мужа, Пауля Рюкерта. Дементьев и весь аппарат оперативного отдела во главе с полковником Довгалевым, разрабатывая операцию, подумали о многом...

Павла Арвидовича Дементьев узнал сразу и немножко этому огорчился: уж очень было заметно, что старик явился сюда на свидание. Дементьев решил подождать. Пусть старик немного освоится и перестанет вертеть головой во все стороны.

Павел Арвидович сделал круг по залу и остановился около киоска, где все время толпились люди. «Вот это правильно!» – мысленно похвалил старика Дементьев.

Спрятав недописанное письмо в карман, Дементьев встал и подошел к киоску. Старик скользнул по нему настороженным взглядом, но, видимо, ночного гостя не узнал. Купив несколько газет и журнал «Сигнал», Дементьев пристально посмотрел на старика:

– Позвольте, вы, кажется, хозяин квартиры, где живет военный врач Нельке? Я не ошибаюсь?

– Да, это я, – дрогнувшим голосом ответил старик.

– Ну, как он там? Жив, здоров? Он сейчас дома? – Дементьев спрашивал громко, чтобы все слышали, о чем он говорит. – Вы идете домой? Идемте, я хочу повидать вашего жильца.

Не давая старику опомниться, Дементьев взял его под руку, и они вышли из почтамта.

– Налево, за углом, – кафе «Луна», – тихо сказал старик. – Заходите туда через десять минут.

– Хорошо, – так же тихо произнес Дементьев и пошел вперед.

Он проследовал мимо кафе, о котором сказал старик, дошел до перекрестка, постоял там и направился обратно.

В кафе было пусто. Дементьев снова огорчился неопытностью хозяина явки. Ну почему в пустом кафе немецкий офицер должен подсаживаться к столику, занятому старой штатской крысой? На это сразу могут обратить внимание. Но делать было нечего. Дементьев быстро подошел к столу, за которым сидел Павел Арвидович:

– Можно за ваш столик?

– Пожалуйста...

Когда Дементьев сел и взял меню, старик тихо сказал:

– Не беспокойтесь, это место надежное. Хозяин кафе – наш человек... Так вот. Моя квартира сейчас для вас непригодна. Я вынужден был взять на постой офицера. В домах, которые поблизости от штаба, они живут почти в каждой квартире. Учтите.

– Кто ваш жилец?

– Гестапо. А кем он там, черт их знает... Весьма строгий господин. Уходит рано, приходит поздно. И больше я о нем ничего не знаю.

- Так, ясно. А что поделяваете вы?
- Ничего. Связи нет уже третий месяц.
- Есть что-нибудь важное?
- Да. Они начинают эвакуировать войска морем.
- Это нам известно. Еще что?
- Усилились аресты.
- Знаем.

Павел Арвидович замолчал, рассматривая свои положенные на стол старческие, жилистые руки.

– Не огорчайтесь, Павел Арвидович. Я знаю, какую пользу вы принесли нашей армии. Спасибо вам. Мне вы не нужны. Я приду к вам только за тем, чтобы взять рацию. Она цела?

– Конечно!.. Появились бы вы месяцем раньше, – виновато заговорил старик, – как хорошо можно было все устроить! Я бы сдал вам комнату – и шито-крыто.

– Нет, все равно этого сделать было нельзя. У меня совсем другой план. Прошу вас об одном – приготовьте рацию. Я зайду к вам под предлогом поиска комнаты... До свидания, Павел Арвидович.

6

Город жил странной жизнью. С утра до вечера улицы были заполнены военными. В этой серо-зеленой толпе редко-редко мелькнет пятно штатского костюма. Военные всюду – в магазинах, кафе, ресторанах, гостиницах, в трамваях. Но что бы ни делали эти военные, в их поведении и даже в их облике чувствовались напряжение и тревога. Ведь все эти люди в шинелях, плащах, кожаных регланах всегда помнили, что они окружены. А последнее время они уже знали, что война докатилась до стен их столицы и что отсюда у них только одна дорога жизни, дорога домой, на родину – через морские ворота города. И только воинская дисциплина, которой они подчинялись почти религиозно, удерживала их от того, чтобы не броситься в порт захватывать места на морских транспортах. Каждый вечер в ресторанах, а то и на улице среди военных вскипали истерические скандалы. То они возникали из-за того, что кто-то неуважительно выразился о фюрере, а то, наоборот, из-за того, что кто-то кому-то надоел ссылками и упованиями на божественный гений Гитлера... Именно на это состояние гитлеровцев при разработке операции Дементьева делалась большая ставка. Как выразился майор Зандель, паника порождает беспорядок.

На площади перед портом Дементьев подошел к группе немецких офицеров, стоявших около легковой машины. Их было пятеро.

Дементьев спросил, не знают ли офицеры, где помещается комендант порта.

– Вот.

Один из офицеров показал на одноэтажный дом. Все офицеры смотрели на Дементьева настороженно и в то же время вопросительно. Один из них не выдержал и спросил:

– Отъезд?

– Да нет, – безразлично ответил Дементьев. – Не могу найти груз, прибывший для моего полка.

– Неужели сюда еще прибывают грузы и они кому-нибудь еще нужны? – с недоброй улыбкой, обращаясь не к Дементьеву, а куда-то в сторону, спросил высокий офицер с багровым шрамом на лице. Шрам у него подергивался: было похоже, будто офицер все время подмигивал кому-то.

– Ответить вам не могу, – сухо произнес Дементьев. – Мне приказано найти груз, и я должен выполнить приказ. Извините... – Дементьев чуть поклонился и ушел.

В коридоре комендантского дома кипела нервная толчея, в которой Дементьеву нетрудно было затеряться и, не обращая на себя внимания, пробить там десять – пятнадцать минут. Дементьев внимательно прислушивался: все говорили об одном – об эвакуации из мешка.

Выйдя из дома коменданта порта, Дементьев увидел, что офицеры, к которым он подходил, продолжают стоять на том же месте. Поравнявшись с ними, Дементьев виновато улыбнулся тому, со шрамом, и сказал:

– Кажется, вы были правы. Надо мной и над моим грузом там довольно зло посмеялись.

– Весь вопрос сейчас в том... – снова не глядя на Дементьева и как бы продолжая разговор, который шел без него, сказал офицер со шрамом, – весь вопрос в том, когда наступит стадия «брутто – Берлин».

– Как... это понимать? – Дементьев изобразил на своем лице крайнюю растерянность, если не испуг.

Полненький, розовощекий майор сухим, скрипучим голосом выкрикнул:

– Это надо понимать, что майор Рауд начинает впадать в истерию женского образца! – Он злобным взглядом вцепился в высокого со шрамом.

– В то время как майор Ауэрбах, – насмешливо отпарировал тот, – впал в детство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Среди офицеров вспыхнула отчаянная перебранка. Они принялись поносить друг друга бранными словами.

– Извините, мне некогда... – Дементьев быстро зашагал прочь.

С другого края площади он оглянулся назад. Офицеры продолжали ругаться... «Очень хорошо, господа офицеры, очень хорошо, – произнес про себя Дементьев. – А вот когда наступит стадия “брутто – Берлин”, меня интересует не меньше, чем вас».

Дементьев приступил к поискам квартиры. На тихой узенькой улочке недалеко от порта он вошел в подъезд первого попавшегося дома, поднялся на второй этаж и остановился перед дверью в квартиру номер пять. Нажал кнопку звонка. Дверь тотчас же открылась, словно человек ждал звонка, притаившись за дверью. Перед Дементьевым стоял мужчина с холемым лицом, одетый в дорогой мохнатый халат.

– Кого вам угодно? – спросил он на плохом немецком языке.

– Не кого, а что, – усмехнулся Дементьев. – Мне нужна комната.

– Но...

– Не торопитесь говорить «но», сейчас не то время, когда офицеры рейха могут спокойно это выслушивать.

Отстранив мужчину, Дементьев прошел в дверь и закрыл ее.

– Выслушайте меня, господин оберст... – Человек в халате говорил уже просительно.

– Ну, ну...

Дементьев рассматривал роскошно обставленную прихожую.

– Моя квартира не подлежит заселению. Достаточно высокий чиновник гестапо, господин Мельх, в случае чего, разрешил мне ссылаться на него. Давайте позвоним ему по телефону.

– С этого и нужно было начинать!

Дементьев небрежно козырнул хозяину квартиры и вышел на лестницу.

«С комнатой не вышло, но зато мы знаем теперь о существовании некоего Мельха, который занимается квартирами. Может пригодиться...» С этой мыслью Дементьев шел по улице, присматривая себе другой дом.

Между тем день был уже на исходе – всего только первый день пребывания Дементьева в этом городе, а сколько событий он уже пережил, сколько раз подвергался смертельной опасности! О грозящей ему опасности Дементьев, конечно, помнил все время. Но мы знаем: совсем не чувство опасности определяло его поступки. Ведь он мог и не пойти ночью в штаб, а затем – в гостиницу. Мог переночевать где-нибудь в укромном местечке, найти которое в большом городе всегда можно. Увидя на портовой площади офицеров, он мог бы обойти их стороной, а он не только подошел к ним, но и вступил с ними в разговор. Вот и сейчас он мог бы пойти отдыхать в уже освоенную им гостиницу. А он туда не торопился, упорно хотел уже сегодня иметь свое собственное жилье.

Дементьев стоял на площадке второго этажа другого дома. Перед ним – дверь, аккуратно обитая черной клеенкой, с тщательно надраенной табличкой: «Песис А.А.». Кто он, этот Песис, так любовно ухаживающий за своей дверью? Коммерсант? Врач? Чиновник? Дементьев нажал кнопку, которая была в виде глаза в медной головке льва. Дверь открыла миловидная девушка. Ее голубые заплаканные глаза при виде немецкого офицера испуганно расширились, она невольно сделала шаг назад и крикнула:

– Мама!

Дементьев, не раздумывая, вошел в квартиру и закрыл дверь.

В переднюю вышла высокая седая женщина. И она, увидев немецкого офицера, застыла на месте с испуганным выражением лица.

– Прошу извинить меня, мадам, – обратился к ней Дементьев. – Меня привела к вам необходимость. Нет ли у вас для меня свободной комнаты? Недели на две... Я, конечно, заплачу.

Отели забиты, а жить где-то надо... И городу приходится как-то делить с нами тяжесть положения... – Дементьев сказал все это с мягкой, подкупающей улыбкой.

– Пройдите сюда, – растерянно произнесла женщина.

Они вошли в просторный, со вкусом обставленный кабинет. По стенам были развешаны картины; их было много. Женщина пригласила Дементьева сесть в кресло, а сама села на диван. Она в упор рассматривала Дементьева и молчала.

– Это квартира латышского художника Песиса, – заговорила она наконец, – но его нет... – женщина поднесла ко рту платок. – Он недавно умер...

Дементьев встал.

– Я прошу извинить меня, мадам. Искренне сочувствую вашему горю. – Он стоял, скорбно склонив голову, думая, что именно в этой квартире ему и надо поселиться. – Может, как никто другой, я понимаю ваше горе. У меня в Берлине погибли все мои близкие. Все... – Дементьев сделал движение, будто собирался уйти.

– Одну минуточку, господин офицер... Садитесь, пожалуйста... Я хочу объяснить вам... – женщина подошла к столу, отыскала там какую-то бумагу и протянула ее Дементьеву. – Вот. Примерно полгода назад мой муж получил от ваших властей вот эту охранную бумагу...

Дементьев быстро пробежал документ глазами. В нем говорилось, что художник Песис А. является выдающимся живописцем и что находящаяся в его квартире коллекция картин пользуется защитой администрации. Подпись под документом – Герман Мельх. Дементьев с трудом подавил улыбку: этот Мельх попадает ему на каждом шагу, но в данном случае Мельх помог Дементьеву принять правильное решение. Он стал внимательнее всматриваться в картины.

– Какая прелесть! Огромный мастер!.. Ах, как хорошо!.. – тихо восклицал он, переводя взгляд от картины к картине. – Да, все это великая ценность. Я вот думаю: достаточно ли прочная защита – выданная вам бумажка? Объявится какой-нибудь хам – а такие и в нашей армии, увы, имеются, – плюнет на эту бумажку и вывезет все эти картины. Ведь хамы, мадам, тоже разбираются иногда в ценностях...

– Боже, что вы говорите! – в ужасе прошептала женщина.

– Похожий инцидент был в Риге. Там один профессор пятьдесят лет коллекционировал фарфор. Он собрал вещи, которым нет цены. И вот однажды к нему на квартиру совершенно случайно забрели два солдата – они делали обычный обход. Им понравились красивые вещи профессора, и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в квартире профессора не жил наш офицер. Он услышал шум, вышел из своей комнаты и, узнав, в чем дело, выставил солдат. А представляете, что могло бы случиться? Итальянский фарфор семнадцатого века в солдатском мешке...

Подбросив жене художника этот трагический сюжет с благополучным концом, Дементьев старательно делал вид, что рассказ не имеет никакого отношения к его визиту в эту квартиру и что он сейчас распрощается и уйдет.

Приманка сработала – вдова художника предложила Дементьеву поселиться в ее квартире. Дементьев не упирался.

– Инга! – громко позвала она.

В кабинет вошла девушка, которая открыла Дементьеву дверь.

– Познакомься...

Дементьев щелкнул каблуками и склонил голову.

– Капитан Пауль Рюкерт.

– Инга Песис, – чуть слышно промолвила девушка.

– Господин Рюкерт будет у нас жить, – сказала ей мать. – Так нужно, Инга. Не бойся, все будет хорошо...

Так Дементьев обрел собственное жилье. Вскоре он уже улегся на диване спать. Все складывалось как нельзя лучше.

«Спокойной ночи, Пауль Рюкерт!» – Дементьев улыбнулся и мгновенно заснул.

7

Три дня Дементьев провел в порту и досконально изучил всю его огромную территорию. Впрочем, нет, не всю. Несмотря на все свои ухищрения, он не смог попасть на так называемый «оперативный причал», который находился на узкой косе, далеко вонзавшейся в море. Корабли подходили только туда. Для прохода на оперативный причал еще две недели назад командование ввело специальные пропуска. Дементьев видел, как эти пропуска предъявлялись патрулю, но видел издали и, каковы эти пропуска, узнать не мог. Вдобавок он установил, что такие пропуска имеет весьма ограниченный круг людей, и главным образом офицеры по званию не ниже майора. Между тем все в порту говорило о том, что эвакуация войск должна начаться в самое ближайшее время...

Охваченный тревогой Дементьев вернулся на квартиру. Хозяйка позвала его ужинать; он отказался, сославшись на головную боль. Заперся в своей комнате, сел к столу и стал напряженно обдумывать создавшееся положение. Чтобы не вызвать любопытство хозяйки, он погасил свет.

В эту ночь Дементьев не поспал и двух часов. Ранним утром он вышел из дому и направился в отель «Бристоль». На улицах много военных. Нетрудно было заметить, что большинство из них только что прибыли с фронта – кучками они лениво бродили от витрины к витрине как люди, у которых нет никакого дела. Дементьев непроизвольно ускорил шаг.

В отеле Дементьев подошел к портю:

– Я числюсь у вас в триста пятой комнате. Вычеркните меня, я снял квартиру. Майор Зандель еще живет там?

– По-моему, он только что прошел в ресторан.

Дементьев сдал шинель в гардероб и вошел в ресторан. Он сразу же увидел майора Занделя, сидевшего за тем же столиком у окна, но сделал вид, будто не замечает его, и, осматриваясь по сторонам, медленно пошел через зал.

– Рюкерт, идите сюда! – крикнул Зандель.

«Прекрасно, фамилию мою он запомнил. Значит, не забыл и всего остального». Дементьев направился к столику майора.

Они встретились как старые друзья. Зандель подозвал официанта и заказал завтрак для Дементьева:

– Сегодня моя очередь угощать...

Да, майор помнил все. И сегодня он был в гораздо лучшем настроении, чем тогда. «Интересно, что тому причиной?» – думал Дементьев.

– Насколько я понимаю, вы сняли квартиру. – Зандель погрозил Дементьеву пальцем. – И обо мне, конечно, забыли.

– Да, квартира есть. Живу в семье. Тошно... Впору пулю пустить в висок.

– Что так?

Дементьев грустно покачал головой:

– Оказывается, есть еще на земле семьи, квартиры, где по утрам пьют кофе, вечером ужинают, читают книги. Я считал, что это бывает только во сне.

– Рюкерт, что с вами? В несколько дней вы стали пессимистом.

– А вы, наверно, получили гарантию, что русские вас не убьют? – насмешливо спросил Дементьев.

– Плохая шутка, Рюкерт, – помолчав, серьезно сказал Зандель. – Просто я получил письмо от своих. Они переехали к моему брату, в горную местность Гарц. Там совершенно спокойно. Вот и вся моя радость.

– Остается только и вам благополучно выбраться отсюда, а затем – хоть потоп. Мой рейх – моя семья, – так когда-то говаривали у нас...

– Что с вами, Рюкерт? – В голосе Занделя прозвучала искренняя жалость к ожесточившемуся капитану.

– Что? Сейчас, когда, судя по всему, начинается эвакуация войск из этого проклятого места, я не могу не думать о моей родной дивизии. Она останется в этой чужой земле навеки. А ведь с этой дивизией я маршировал под Триумфальной аркой в Париже. Нас приветствовал фюрер... Скажите, майор: зачем я уцелел? Я теперь хожу по штабным канцеляриям, кабинетам с одним только делом – пытаюсь доказать чиновникам в мундирах, что я жив и хочу действовать. А они смотрят сквозь меня оловянными глазами, будто меня нет. Будто я убит, как убита моя дивизия. Послать меня на фронт они, очевидно, стесняются. Один так и сказал: «Не стоит вам испытывать терпение судьбы...» А ничего другого не предлагают. Живите, говорят, здесь, отдыхайте. Вы, говорят, достаточно пережили. А я не хочу отдыхать! Не хочу! – Дементьев так стукнул кулаком по столу, что подскочили тарелки.

– Тише, Рюкерт... – майор Зандель осторожно оглянулся. – Пока вы, забыв обо мне, пропадали, я нашел вам дело. (Дементьев посмотрел на Занделя радостно и будто не веря.) Ну да, нашел. Правда, работа не очень сладкая, но все же работа. И вы раньше других получите возможность выбраться отсюда. Я служу в отделе по организации гражданского тыла. Мы занимаемся вывозом отсюда в рейх ценного имущества. Гражданского имущества. Понимаете?

– Конечно, понимаю. Но... разве Германии это имущество еще нужно?

– Мы об этом не думаем, – строго сказал Зандель, – и вам не рекомендую думать. Так вот, два дня назад гестапо изъяло из нашего отдела одного офицера.

– За что? – мгновенно спросил Дементьев.

– Он отказался выполнить приказ. В общем, он был истериком, наговорил что-то лишнее начальнику отдела... Да бог с ним! Я сказал начальнику отдела о вас. Сказал хорошо, как нужно, и он согласен с вами поговорить. Мы пойдем к нему теперь же... Его фамилия Мельх. Герман Мельх...

Дементьев чуть не рассмеялся: «Опять Мельх».

– Он очень сложный человек, – продолжал Зандель, – я знаю его давно, мы вместе учились в офицерской школе. Во время войны он быстро сделал карьеру, хотя на фронте не был ни разу. Всю войну он занимается этими самыми гражданскими тылами. Злые языки болтают, будто он на этой работе сколотил богатство. Я этого не знаю, и, в конце концов, это его личное дело. У него громадные связи. Я видел у него фотографию, где он снят вдвоем с Борманом. Недавно он показал мне письмо, полученное им от Розенберга. Он немного хвастлив. Но голова у него могучая. Работать умеет. Организатор, каких поискать...

– А вдруг я ему не понравлюсь? – обеспокоенно спросил Дементьев.

Зандель сочувственно улыбнулся:

– Конечно, такой пессимист, каким я увидел вас сегодня, Мельху не нужен.

– Да мне бы только дело в руки! – воскликнул Дементьев.

– Вот, вот, капитан, так держать! Кроме того, Мельх, как многие тыловики, обожает проявлять заботу о фронтовиках. Словом, завтракайте скорее и идемте...

Через час Дементьев вместе с Занделем вошли в кабинет Германа Мельха.

В просторной комнате за громадным столом сидел маленький человек. Над полированной равниной стола, как серый бугорок, виднелась его голова. Когда Зандель и Дементьев вошли, бугорок шевельнулся, и тотчас же из-за стола выскочил Герман Мельх. Хотя в ежике его волос уже была седина, он походил на подростка. Мягкие, как у юноши, черты лица, румянец на гладких щеках, капризный рот. И только глаза у него были большие, глубокие и темные.

– Это тот офицер, о котором я говорил... – Зандель за локоть вывел вперед Дементьева.

Мельх поздоровался с Дементьевым. Рука у него оказалась жесткой, сильной. Мельх провёл офицеров в угол кабинета, где стоял низкий столик, окруженный несколькими креслами. Все уселись в кресла. Мельх не сводил прямого взгляда с Дементьева. Они смотрели друг другу в глаза и молчали.

– Зандель сказал вам, в чем состоит работа отдела? – спросил наконец полковник.

– Да. Но не в деталях, – ответил Дементьев.

– У вас нет сомнений в необходимости нашей работы для Германии?

Дементьев невольно посмотрел на Занделя: неужели он успел сказать Мельху об их разговоре за завтраком? Но этот взгляд на Занделя полковник расценил по-своему.

– Вы, я вижу, не понимаете моего вопроса. Поясню. Вакансия, на которую вы претендуете, освободилась как раз потому, что занимавший ее офицер пришел, видите ли, к выводу, что единственная национальная ценность, которая здесь осталась и которую необходимо срочно вывезти в Германию, – это его собственная персона. – Полковник долго смеялся и подмигивал Занделю, а тот одобрительно улыбался. Внезапно, оборвав смех, полковник повернулся к Дементьеву. – Кто вас знает, кто может рекомендовать?

Дементьев печально усмехнулся:

– Кто может знать солдата? Если командир моей восьмой дивизии выберется от русских, как выбрался я, он скажет вам обо мне, что я солдат, как солдат. Эта характеристика была у генерала Фельдмайера самой высокой.

– Так вы из дивизии этого старомодного чудака?

Дементьев резко поднялся и сказал:

– Господин Мельх! Где бы я ни служил, кто бы ни был моим командиром, имя командира для меня свято, а его приказ – закон! И я никому не позволю третировать моего командира, за которого я шел на смерть!

Дементьев сделал этот смелый ход и впился преданными глазами в Мельха.

Расчет Дементьева был простой. Во-первых, разговор о связях и знакомствах лучше прекратить – здесь легко допустить промах; во-вторых, он решил, что Мельху больше всего по душе должен быть вот такой сверхисполнительный служака, готовый выполнить любой его приказ.

Дементьев в своем расчете не ошибся. Мельх вскочил с кресла и, показывая Занделю на Дементьева, воскликнул:

– Вот такие офицеры и спасут Германию! Попомни, Зандель, мои слова!

Дементьев, внутренне ликуя, решил продолжать игру.

– Я прошу вас, – сказал он с допустимой дозой строгости, – взять обратно ваши слова о генерале Фельдмайере.

– Беру, беру! – Мельх дружески похлопал Дементьева по плечу. – Беру, славный капитан рейха! Ваш командир – герой, раз он воспитал таких офицеров...

Оформление приказа не заняло и получаса. И вот Дементьев снова пришел в кабинет Мельха, но уже без Занделя. Начальник встретил его неожиданно сухо, даже не пригласил сесть. Больше того, огородил Дементьева неожиданной просьбой:

– Расскажите мне о материальном положении вашей семьи.

Однако Дементьев мгновенно разгадал ход мыслей Мельха.

– У меня семьи, очевидно, нет, – просто сказал он. – Мать и жена оставались в Берлине. Уже семь месяцев писем от них нет. Мое личное состояние все при мне, – Дементьев улыбнулся, – и больше мне ничего не надо... кроме победы над врагом.

– Прекрасно! – сорвалось у Мельха, но он тут же смущенно засуетился и добавил: – Я, конечно, горю вашему сочувствую, но война, капитан, есть война. Где вы живете?

Дементьев улыбнулся:

– Я живу в квартире художника Песиса, в квартире, художественные ценности которой охраняются вашей бумагой. Как видите, я свои обязанности начал исполнять еще до поступления в ваш отдел.

– Вот как! Песис, вы говорите? – Полковник вынул из кармана миниатюрную записную книжечку и начал ее просматривать. – Ага! Бастионная улица, дом четыре, квартира девять. Верно?

– Совершенно верно.

– Там все в порядке?

– В идеальном.

– Учтите, капитан, что имеющаяся там коллекция... – Мельх замялся. – Вы разбираетесь в живописи?

– Нет. Вообще все эти штуки для меня – пустое место. Я солдат. Что вы прикажете, то я и сделаю.

– Прекрасно! – снова сорвалось у полковника. – Вот вам, капитан, первое задание. У меня есть сведения, что в городском музее какая-то сволочь снимает со стен ценные картины и заменяет их ерундой, а ценные прячет. Проверьте это тщательно и будьте беспощадны. Заодно подсчитайте, сколько понадобится ящиков для упаковки всех картин музея – без рам, конечно.

8

Дементьев шел в музей в прекрасном настроении. Утром, направляясь к Занделю, он рассчитывал только на то, что майор имеет пропуск на оперативный причал и ему удастся этот пропуск как следует рассмотреть, а в случае удачи и похитить. А все сложилось гораздо лучше: он получил именно такую работу, которая даст ему возможность проникнуть в святая святых эвакуации.

В музее Дементьев без особого труда обнаружил совершенную там подмену картин и огорчился неопытности, с какой это было проделано. В одном месте люди, заменявшие картины, умудрились оставить табличку, относившуюся к снятой картине. Дементьева сопровождал по музею его смотритель – чистенький старичок с розовой лысиной, обрамленной светлым венчиком вьющихся волос. Окна музея были заложены мешками с песком, а смотритель музея, входя в залы, зажигал далеко не весь свет. Некоторые картины просто нельзя было рассмотреть. Дементьев решил проверить смотрителя: вынул из кармана электрический фонарик и направил луч на табличку, оставшуюся от спрятанной картины и совершенно не соответствовавшую новой, повешенной здесь картине. Он внимательно прочитал табличку, посмотрел на картину и быстро обернулся к стоявшему позади смотрителю. Расширенные от ужаса глаза старичка сказали Дементьеву все.

– Хорошая картина, – спокойно произнес Дементьев и пошел дальше, услышав за спиной облегченный вздох смотрителя.

Дементьеву стало жалко этого честного, неопытного старичка. Осмотрев весь музей, они прошли в кабинет смотрителя.

– А где хранятся фонды? – равнодушно спросил Дементьев.

– В подвале, господин капитан, – подобострастно ответил старичок.

– Можно посмотреть? – Дементьев снова увидел округлившиеся от страха глаза старичка. – Впрочем, у меня сейчас нет времени. В другой раз. Ваш подвал глубокий?

– О да, там сотни полотен.

– Строго секретно должен предупредить вас, что в самое ближайшее время мы ожидаем интенсивную бомбардировку города русской авиацией. Все богатства вашего музея могут превратиться в пепел за один час. Нужно снять с рам все картины и упаковать их в ящики, которые сложить в подвал. Упаковать нужно все, что хранится в фондах. Срок – два дня...

Смотритель молчал, опустив голову.

– Ну что, вам это непонятно?

– Почему? Все понятно.

– Вот и хорошо. Для ускорения дела опись картин делать не надо. На ящике ставить только цифру, обозначающую, сколько в нем картин, и все.

Глаза у смотрителя оживились. Дементьев еще раз убедился, что старичок положительно не умеет владеть собой.

– Да-да, мы всё так и сделаем. Послезавтра можете прийти проверить.

– Послезавтра утром я зайду непременно. До свидания...

Вскоре Дементьев докладывал Мельху о своей поездке в музей.

– Надо думать, – говорил он, – что замена нескольких картин действительно произведена.

Снятые картины, они, вероятно, спрятали в подвале, а там хранятся сотни полотен и царит дикий хаос. В течение двух дней мы все картины отделим от рам и упакуем в ящики. Фонды – тоже. Я поставил в музее часового – и оттуда они не вынесут и тряпки. Если я найду неупакованным хоть один кусочек, – Дементьев показал половину пальца, – я расстреляю всю их шайку!

– Прекрасно, Рюкерт! – воскликнул Мельх. – Спасибо. Ну, а я, пока вы там были, посетил вашу квартиру.

Дементьев нахмурился, хотя знал, что ничего опасного для него полковник на квартире обнаружить не мог.

– Извините, Рюкерт, но я решил сделать это сам. В моем отделе гестапо – это я, и лучше, что туда ходил я, а не кто-нибудь другой.

– Неужели неверие друг в друга стало в нашей среде обязательным? – огорченно спросил Дементьев.

– Люди гестапо никогда никому не верили. В этом их служба. В общем, они уже заинтересовались вами, но я сказал, что за вас отвечаю я сам. И больше ради проформы решил съездить на вашу квартиру... Почему вы так мрачно это воспринимаете? Ведь ничего страшного не произошло. Наоборот, мать и дочь отзываются о вас прекрасно. Это ваш Железный крест лежит там на столе?

– Мой.

– Почему вы не сказали мне об этой вашей награде?

– Солдаты орденами не хвастают, они их хранят как воспоминание о битвах.

– Вы молодец, Рюкерт!.. Между прочим, я бы на вашем месте обратил внимание на дочку художника. Прелестный цветочек, а?

– Иметь на войне романы солдатским уставом не предусмотрено, – сурово произнес Дементьев.

– Но, если в данном случае вы устав нарушите, я не взыщу... – Мельх засмеялся. – Вы свободны, Рюкерт.

– Я хотел спросить у вас...

– Завтра, завтра, капитан. Мне очень некогда. Идите...

Дементьев вышел на улицу и в глубоком раздумье стоял у подъезда. В странное попал он положение: так удачно закрепился в одном из отделов временного штаба, попал, как ему казалось, в отдел, который ближе многих других находится к эвакуации, а получилось так, что он приблизился к музею, а совсем не к порту, который был главной его целью. Могут пройти дни, и он узнает лишь, когда будут отправлять фонды музея. А может, уже сегодня, сейчас из порта уходят транспорты с солдатами, с техникой...

Дементьев беспомощно оглянулся по сторонам.

– Весна, господин капитан... – грустно произнес часовой.

– Да, да... весна...

А весна торопилась. Хотя день был совсем не солнечный, вдоль тротуаров бежали ручьи, со звоном падали сосульки, в водосточных трубах грохотали ледяные обвалы. Дементьев как-то сразу все это увидел и услышал. Да, весна работала вовсю, а он?.. Дементьев торопливо пошел по улице. Но на первом же перекрестке остановился... «Куда я так спешу? Куда?.. Надо хоть пообедать...»

Кафе «Орион» было в числе рекомендованных немецким офицерам. Такая рекомендация – тоже часть прославленного немецкого порядка. Рядом другое кафе – пустое. А в «Орионе» свободного места не отыщешь. Табачный дым висит над потолком сизым пологом. Не умолкает гул от разговоров. Дементьев приметил свободное местечко за столиком в дальнем, темном углу – там сидели три офицера. Все они были из инженерных войск Тодта. Дементьев попросил разрешения сесть за их стол. Офицеры, как по команде, молча пожали плечами; мол, что поделаешь, запретить-то мы не можем. Дементьев сел и погрузился в изучение меню. Офицеры молчали. Сделав заказ официанту, Дементьев вынул из кармана газету и стал читать...

– Что интересного, капитан, нашли в газете? – насмешливо спросил один из офицеров.

– Молодцы ваши коллеги! – не отрываясь от газеты, сказал Дементьев. – За десять дней опоясали Берлин неприступным поясом из стали и бетона.

Офицеры молча переглянулись. Потом один из них задумчиво сказал:

– Нашим коллегам там хорошо, у них в руках вся техника. Попробовали бы они действовать голыми руками, когда вместо техники тебе дают приказ, полагая, очевидно, что эта бумажка всесильна...

Снова, как по команде, офицеры вздохнули и надолго замолчали. Дементьев настороженно, но терпеливо ждал продолжения их разговора.

Вдруг один из офицеров выхватил из кармана бумагу и карандаш.

– А что, если сделать так? – сказал он и начал что-то рисовать.

Остальные два офицера придвинулись к нему и стали внимательно рассматривать рисунок.

Дементьев слышал потом только отрывистые фразы, которые поначалу ничего ему не говорили.

– ...Скошенный помост большого запаса прочности... Придвигается вплотную к борту...

– ...А как он передвигается вдоль?

– ...Два тягача. Максимум – три...

– ...А если разная высота борта?

– ...Об этом надо подумать...

– ...Делать помост из убирающихся сегментов...

– ...Идея!.. Вот так...

– ...Но разве можно такой помост построить за одни сутки?

– ...Если дадут саперный батальон – можно.

– ...А дадут?

– Идемте сейчас же в штаб.

Офицеры расплатились и ушли. Тотчас же их места заняли два майора и капитан. Судя по всему, это были фронтовики – обветренные лица, огрубелые руки, усталость и злость в глазах. Весь их разговор вращался главным образом вокруг того, чем их здесь накормят...

Дементьев ушел. Конечно, ему хотелось посидеть еще – может быть, фронтовики тоже заговорили бы об эвакуации, и он узнал бы что-нибудь новое. Но после того как он пообедал и расплатился, оставаться за столом, когда по кафе все время в поисках свободного места бродили офицеры, было нельзя: это могло вызвать подозрение...

Да, инженеры явно связаны с эвакуацией! И что-то относящееся к ней они должны сделать за одни сутки... Одни сутки... Что же делать? Что предпринять для приближения к главной цели?.. Дементьев, идя домой, думал только об этом. Только об этом.

Совершенно неожиданно вечером в гости к Дементьеву пришел майор Зандель. Пришел мрачный и точно за один этот день похудевший. Дементьев уже заметил, что майор – впечатлительная натура, с весьма неустойчивым настроением, и теперь очень заинтересовался, что сделало майора мрачным.

Зандель прикрыл дверь и подошел вплотную к Дементьеву:

– Вам полковник ничего не говорил?

– Советовал поволочиться за хозяйской дочкой! – Дементьев засмеялся.

Зандель даже не улыбнулся; задумался на секунду и сказал:

– Все равно секретом это остаться не может... Кажется, сегодня ночью начинается эвакуация войск. Их перебрасывают на защиту Берлина.

«Вот оно!» – радостно и в то же время тревожно подумал Дементьев, но равнодушно спросил:

– Всех войск?

– Очевидно.

– Ну что ж, верховному командованию видней! – беспечно заключил Дементьев. – Нас ведь это не касается?

– Нет, капитан, касается. Наш отдел заработает теперь с максимальной нагрузкой. Мельх сказал, что под наши грузы будет отводиться место на каждом транспорте.

– Наконец-то работа! – весело воскликнул Дементьев. – А то от первого задания я было загрустил. Воевать с музейными старичками не по мне.

– Эта война, Рюкерт, только начинается. И пока мы не вывезем отсюда все, что можно вывезти, мы сами отсюда не выберемся! – почти с надрывом сказал Зандель.

– Надо постараться сделать наше дело поскорее! – все так же весело сказал Дементьев, будто не замечая нервного состояния Занделя. – Может быть, нам еще удастся участвовать в драке за наш Берлин. У меня чешутся руки проучить русских. Они не понимают того, что Германия борется, пока жив хоть один немец, и что последнее слово войны еще не сказано.

Зандель смотрел на Дементьева почти с жалостью: он решил, что не найдет в Рюкерте собеседника для откровенного разговора о том, что сейчас угнетало его.

– Что-то у меня страшно разболелась голова, – сказал он. – Извините меня, капитан, я пойду: мне надо лечь в постель. Не дай бог заболеть в такие дни...

Зандель ушел. Дементьев сел за стол и сжал голову руками. Ну вот, началось то, ради чего он послан в этот город. Быстро и весьма успешно сумел легализоваться, даже заручиться доверием начальства. Волей случая он попал на работу, близкую к перевозкам. Но все это может оказаться бесполезным, если он не сможет получать совершенно точную и исчерпывающую информацию об отправке транспортов.

Так или иначе, первую – правда, неуточненную – информацию он уже имеет: эвакуация начинается сегодня ночью. Об этом немедленно надо известить командование. Дементьев быстро оделся и отправился за рацией на явочную квартиру Павла Арвидовича.

Город, погруженный в темноту, казался мертвым. На улицах ни души. Промчится машина с пригашенными фарами – и снова темень и тишина. У входа на Шестигранную площадь Дементьева остановил патруль. Он назвал пароль, солдаты козырнули, и он пошел дальше.

Павел Арвидович ждал Дементьева каждый вечер, давно приготовил рацию, но очень боялся, что его квартирант заметит приход Дементьева и заподозрит неладное.

В этот вечер квартирант задержался на работе позже обычного, и Дементьев столкнулся с ним у входа в дом. Они молча козырнули друг другу и стали вместе подниматься по лестнице. Вместе они остановились и перед дверью в квартиру Павла Арвидовича.

– Вы тоже сюда? – удивленно спросил гестаповец.

– А вы, вероятно, и есть мой соперник? – засмеялся Дементьев. – Сегодня я искал себе жилье и зашел в эту квартиру. Мне сказали, что тут уже живет офицер гестапо. Чтобы не болтаться по городу с чемоданом, я попросил у хозяина разрешения оставить чемодан у него. И только теперь вот иду за чемоданом. Иду и боюсь, что хозяин вместе с квартирантом за столь поздний приход спустят меня с лестницы...

Ничего не сказав, гестаповец нажал кнопку. В дверях смутно возникла фигура Павла Арвидовича. Увидев Дементьева вместе с квартирантом, он буквально окаменел.

– Здравствуйте еще раз и, ради бога, извините! – весело сказал Дементьев. – Но я только сейчас нашел себе комнату. Дайте мне, пожалуйста, мой чемодан.

– Ах, чемодан? Сию минуту, сию минуту...

Павел Арвидович побежал в свою комнату за чемоданом. Гестаповец вошел в переднюю, но остался стоять возле открытой двери.

– Где же устроились? – спросил Павел Арвидович, передавая Дементьеву чемодан с рацией.

– Бастионная, четыре, квартира девять...

– У кого ж это? Я тут всех знаю.

– Художник Песис.

– А! Это тот, что недавно скончался?

– Совершенно точно. Он-то и освободил комнату для меня! – Дементьев засмеялся. – Еще раз простите, что явился так поздно. Спокойной ночи!

Дверь закрылась, и Дементьев стал спускаться с лестницы.

Выйдя на площадь, он выругал себя последними словами: взволнованный сообщенной Занделем новостью, он отправился за рацией, совершенно не подумав, что здесь его могут подстерегать весьма опасные неожиданности. Просто чудо, что все сошло так гладко... Не успел Дементьев подумать это, как перед ним, точно из-под земли, выросли два патрульных солдата. Дементьев сказал пароль, но солдаты дороги ему не уступали и о чем-то перешептывались.

Командование окруженных войск, опасаясь самовольной погрузки офицеров на транспорты, отдало приказ комендатуре: обращать особое внимание на подозрительных в этом отношении военных. Дементьев, шедший в сторону порта, да еще с чемоданом, вызвал у патруля явное подозрение. Солдаты посоветовались и предложили Дементьеву вместе с ними идти в комендатуру.

– Если это необходимо, идемте, – спокойно сказал Дементьев.

Комендатуры он не боялся – его легальное положение было достаточно ясным и прочным. Наконец, он правильно догадывался, почему вызвал подозрение патрульных. Их, конечно, смущал чемодан. Дежурному коменданту можно даже доставить удовольствие заглянуть в чемодан. Он увидит там смену белья, бритвенный прибор, полотенце, экземпляр «Майн кампф», иллюстрированные журналы, потрепанный роман... Рация-то искусно спрятана в узком пространстве меж стенок двойного дна чемодана. Словом, Дементьев шагал за патрулем, не испытывая особой тревоги.

В комендатуре оказалось уже несколько задержанных патрулями офицеров. Их по очереди приглашали в кабинет дежурного коменданта. Вызвали наконец и Дементьева. Он вошел в комнату с чемоданом. Дежурный комендант глянул на него насмешливо:

– Ваши документы...

Дементьев подал документы, и комендант долго их изучал.

– Так... А куда же это вы собрались?

– Перебираюсь с временного жилья на постоянное. Из отеля на частную квартиру, где подешевле.

– В каком отеле вы жили?

– «Бристоль», номер триста пятый.

Комендант позвонил в гостиницу и убедился, что задержанный говорит правду.

– По какому адресу вы шли?

– Бастионная, четыре, квартира девять.

Комендант вызвал патрульных, которые задержали Дементьева:

– Где вы задержали капитана?

– На углу Бастионной.

– Проводите капитана до его квартиры. Помогите донести чемодан... Извините, капитан, но служба есть служба.

– Я все понимаю. До свидания...

Патрульные шагали рядом с Дементьевым; один из них нес чемодан. Вдруг Дементьеву вспомнились слова Маяковского: «Моргнул многозначаче глаз носильщика, – хоть вещи снесет задаром вам». Дементьев не удержался и засмеялся.

Солдат, несший чемодан, смущенно сказал:

– Нам же приказано, господин капитан. Мы люди маленькие...

– Ничего, ничего, мой солдат. На военной службе всякое бывает, я понимаю...

И все-таки солдаты дошли с Дементьевым до самых дверей квартиры. Одно из двух: или они хотели выслужиться перед ним, или комендант все же приказал им проверить, пойдет

ли капитан по названному им адресу. Когда Дементьев отпер дверь своим ключом, солдаты пожелали ему спокойной ночи и ушли, грохоча по лестнице тяжелыми сапогами.

Запершись в комнате, Дементьев быстро развернул радиостанцию и передал короткую радиограмму:

«Я – 11-17. Эвакуация начинается, возможно, сегодня ночью. Точных данных пока не имею...»

Упаковав чемодан, Дементьев лег на диван и задумался...

Интересно, почему о начале эвакуации войск Мельх Занделю сказал, а ему – нет? Впрочем, к концу дня они просто не виделись. Может быть, поэтому? Да и неважно это. Самое главное: сможет ли он завтра попасть в порт?

Тревога за это самое главное долго не давала Дементьеву заснуть...

Он представил себе, как полковник Довгалев читает сейчас его первую радиограмму. Правая бровь у полковника становится выше левой – это всегда, когда он злится. В самом деле, разве можно так сообщать? «Возможно, начинается...» Но разведчик должен сообщать только то, что он знает. Ни слова домысла! Дементьев беспощадно прогонял из своей разведроты каждого, кто, докладывая о разведке, позволял себе хоть немного пофантазировать. «Вы мне не нужны, – говорил Дементьев. – Вы не понимаете, что самая маленькая ваша неточность может стоить солдатской крови».

Сам Дементьев всегда был до болезненности точен. Однажды он, находясь во вражеском тылу, пристрелил гитлеровского полковника. Докладывая об этом начальству, он сказал так: «Думаю, что это был полковник. Но не уверен. Ведь шинель со знаками полковника мог случайно или по ошибке надеть кто-нибудь другой». – «Может, ее генерал надел?» – засмеялось начальство. «Может, и генерал», – совершенно серьезно согласился Дементьев. С тех пор в разведроту бытовала шутка. Притащит кто-нибудь «языка», у него спрашивают: «Кого словил?» Разведчик отвечает: «По шинели, вроде, рядовой, а может, и генерал...»

Нет, нет, точность прежде всего. Ведь майор Зандель о начале эвакуации сказал нетвердо. Он сказал: «Кажется, сегодня...» Больше никаких подтверждений нет. Если не вставить слово «возможно», то значит, что полковник Довгалев сейчас доложит командованию о начале эвакуации. Последует приказ авиации идти на перехват кораблей. Рискую жизнью, самолетами, летчиками, будут прорываться через зенитный пояс линии фронта. Навстречу им вылетят вражеские истребители. Наконец, летчики прорвутся к морю, а там – пусто... Нет, нет, одно это слово «возможно» стоит слишком дорого, чтобы отнестись к нему небрежно. Да, эвакуация начинается. И, возможно, уже сегодня ночью. Но точно он не знает. Не знает, и все...

9

Посыльный солдат от Мельха поднял Дементьева в шесть утра. Когда Дементьев явился в отдел, там были уже почти все офицеры. Мельх отдавал приказания, и офицеры чуть не бегом покидали его кабинет. Дементьев ждал своей очереди, но Мельх словно не замечал его. Закончив разговор с одним из офицеров, Мельх повернулся к Дементьеву:

– Погасите свет и поднимите шторы.

Большой кабинет наполнил синеватый свет раннего утра. За окном падал мокрый снег. Лица у всех стали серого цвета.

И вот в кабинете остались только Мельх и Дементьев.

– Капитан Рюкерт, с вами у меня разговор особый... – Мельх вышел из-за стола и сел в кресло напротив Дементьева. – Именно с вами, потому что из всей этой когорты, – Мельх презрительно кивнул на опустевшие стулья, – в одном вас я вижу человека, который знает, что такое приказ, и не любит задавать лишних вопросов. – Он говорил, не сводя глаз с Дементьева. – Гибель нашей империи – бред истериков. Это не произойдет, капитан, даже если русские сотрут в порошок Берлин, даже если они выиграют войну! Есть люди, которые ее поднимут так быстро, что те же русские не успеют опомниться. Но вы понимаете, капитан, что сделать это голыми руками нельзя. Эти люди должны иметь средства, чтобы начать свое великое дело сначала. Так вот, им, этим людям, мы и отправляем отсюда все самое ценное. За это отвечает наш отдел – я и вы.

– Я выполню любой ваш приказ! – торжественно произнес Дементьев, преданно смотря Мельху в глаза.

– В музей все готово?

– Кроме надписи адреса на ящиках.

– Возьмите сейчас с собой солдат, они сделают надписи. Адрес такой...

Мельх протянул Дементьеву сложенную бумагу. Дементьев ее развернул и прочитал: «Гамбург, Елизаветштрассе, 7, Гринвальд».

– Это, как вы догадываетесь, адрес условный, но груз попадет в нужные руки.

– Кому сдать ящики в порту? – вставая, спросил Дементьев, напряженно ожидая ответа, от которого могло зависеть все.

– Пакгауз номер четырнадцать, Рихард Брандт. Получите расписку: «Принято столько ящиков». Потом расписку сдать мне. И все. Возможно, что Брандт сам придет в музей.

– А не лучше будет, если я сам доставлю ящики прямо на корабль? Это надежнее.

– Вы просто не знаете, кто такой Рихард Брандт, – Мельх усмехнулся, – и неосторожно выражаете ему недоверие. Он – гестапо, и этим сказано все. Словом, делайте так, как я сказал.

Дементьев вышел из кабинета. Вот и случилось то, чего он больше всего боялся! Чтобы лучше засекретить свои дела, Мельх решил между ним и кораблем поставить Брандта, которого он, видимо, знает лучше и которому больше верит. А может, это придумал и не Мельх. Просто секретному делу придана классическая цепочка исполнителей, пройдя через которую дело как бы теряло след. И, может быть, в этой цепочке есть звено и после Брандта. Но черт с ней, с этой цепочкой! Главное в том, что он снова фактически отрезан от порта. Пакгауз номер четырнадцать находился в нескольких километрах от оперативного причала, где будут грузиться корабли.

Тревога Дементьева усилилась, когда он вышел из здания. Улица была заполнена войсками, и все это серо-зеленое месиво, нашпигованное техникой, двигалось в сторону порта. Пробиваясь навстречу движению, Дементьев испытывал чувство, будто он в минуту боя покидал передовую.

Надписывание адреса на ящиках заняло около часа. Да, Мельх был отличный организатор: только успели закончить надписывание, как уже прибыла автомашина с солдатами-грузчиками. Дементьев наблюдал за погрузкой и все думал, думал, что предпринять, как прорваться в порт.

Шагах в десяти от Дементьева стоял высокий, грузный офицер в кожаном пальто без знаков различия. Только фуражка на нем была офицерская. Он поминутно делал вращательный жест головой, точно ему жал воротник. Когда погрузка была закончена, офицер в кожаном пальто подошел к Дементьеву.

– Вы капитан Рюкерт? – И, не ожидая ответа, добавил: – Я – Брандт. Пойдемте.

За углом он сел за руль малолитражного «опеля», открыл дверцу и указал Дементьеву на сиденье рядом с собой. В машине пахло бензином и резким одеколоном.

– Сколько ящиков?

– Семьдесят девять.

Брандт вынул из-под сиденья блокнот, вырвал из него лист и размашисто написал: «Получено 79 ящиков специального груза».

– Вы забыли подписаться, – строго сказал Дементьев, прочитав записку.

Брандт посмотрел на него неподвижными глазами:

– Отдайте это Мельху, и все. Можете идти.

– В порт мне ехать не нужно?

– Нет. – Брандт открыл дверцу: – До свидания.

«Опель» сорвался с места и исчез. За ним потянулись грузовики с ящиками...

Дементьев вернулся в отдел и в коридоре столкнулся с майором Занделем.

– Как дела, Рюкерт? – торопливо спросил Зандель и, оглянувшись по сторонам, тихо сказал: – По-дружески советую: позаботьтесь, чтобы однажды вместе с ящиками не забыли погрузить и вас.

– Не понимаю, – сухо произнес Дементьев.

– Я сказал достаточно ясно. – Зандель поклонился и пошел по коридору.

Дементьев прошел в кабинет Мельха. Минут пять ему пришлось стоять, ожидая, пока Мельх закончит разговор по телефону. Говорил он одними междометиями: «Да»... «Да»... «Нет»... «Да»... Положив трубку, Мельх взял из рук Дементьева расписку Брандта, внимательно ее прочитал, сделал какие-то пометки в своей записной книжке, а затем тщательно сжег расписку в пепельнице. Наконец он поднял взгляд на стоящего перед ним Дементьева:

– Вы хотите что-нибудь сказать?

– Нет... Разве только то, что ваш Брандт мог бы быть вежливее.

Мельх усмехнулся:

– Я же объяснял вам: он из гестапо. У них вежливость – недостаток! Между прочим, это он непременно хотел вас проверить, когда вы ко мне поступили.

– Значит, я отвечаю только за погрузку?

– Да.

– Но, мне кажется, эту работу может выполнять рядовой солдат.

– Вот как? – Мельх встал. – В военной машине рейха вы, капитан Рюкерт, и есть рядовой солдат! – повысив голос, сказал он.

– Вы не поняли меня. Я просто хочу быть вам полезным в большей степени! – Дементьев вытянулся. Он понял, что переиграл, и стремился исправить положение.

– Это дело другое, – примирительно произнес Мельх. – Сию же минуту поезжайте вот по этому адресу, возьмите мою машину. Там проводит операцию капитан Лемке. Он должен был доложить об окончании дела еще в полдень. Сейчас – четырнадцать двадцать. Выясните, почему он задержался, и, если увидите нераспорядительность с его стороны, от моего имени прикажите ему сдать операцию вам, а он пусть немедленно явится ко мне.

– Понятно. – Дементьев повернулся и быстро вышел из кабинета.

Капитану Лемке было поручено упаковать и отправить в порт ценные фонды центральной библиотеки, но он столкнулся с организованным сопротивлением работников библиотеки, которые ночью забаррикадировались в глубоком подвальном помещении и никого туда не впускали. Дементьев застал капитана Лемке растерянно стоявшим перед толстой бронированной дверью в подвал. Солдаты колотили в дверь прикладами автоматов.

Дементьев мгновенно оценил обстановку и принял решение:

– Вы капитан Лемке? Мельх приказал вам вернуться в отдел. Своих солдат заберите. Сюда идут мои люди, которые умеют работать... Что за ящики лежат во дворе?

– Это все, что мы успели вынести, – испуганно пробормотал Лемке.

– Хорошо, отправляйтесь в отдел. У ворот – машина Мельха, можете ее взять.

Лемке ушел, но тут же вернулся!

– Я забыл сказать вам – через полчаса за грузом приедет Брандт.

– Это уже не ваша забота, капитан! – злобно крикнул Дементьев.

Лемке уехал, ушли его солдаты. Дементьев остался один. За бронированной дверью было тихо. Дементьев присел на ступеньки и еще раз обдумал возникший у него план спасения библиотеки. «Не могу сделать главное, – думал он, – так сделаю хоть это... Моя задача – не дать Брандту возможность проверить подвалы библиотеки».

Дементьев вышел во двор и пересчитал ящики. Их было тридцать два. Адрес на них был написан тот же: «Гамбург, Елизаветштрассе, 7, Гринвальд».

Вскоре во двор библиотеки въехал грузовик и «опель» Брандта. Солдаты молча принялись грузить ящики на машину. Брандт подошел к Дементьеву:

– Что здесь случилось? Почему Лемке так долго не звонил?

– Не надо поручать серьезное дело слюнтяю, – небрежно ответил Дементьев.

Брандт посмотрел на него одобрительно:

– Вы правы. Лемке – из интеллигентов. А где ваши солдаты?

– Это я должен у вас спросить. Является сюда какой-то деятель гестапо и забирает моих солдат, а когда я ссылаюсь на Мельха, он нецензурно ругается и уходит.

Брандт улыбнулся:

– Неизбежные издержки. Сколько тут ящиков?

– Тридцать два.

– Получите расписку... Мне сказали, что вы жаловались на меня Мельху. Должен заметить, что вы первый, кто на меня жаловался. Это мне нравится.

– Я просто привык, чтобы со мной обращались грубо, только когда я не выполняю приказа. – Дементьев преданно смотрел в неподвижные глаза Брандта.

– Прекрасно! – Брандт поднял руку к козырьку. – Будем выполнять приказ. До свидания.

«Опель» Брандта умчался за грузовиками...

Мельх встретил Дементьева почти весело:

– Вы молодчина, Рюкерт, а Лемке действительно слюнтяй. Это был великолепный урок для Брандта. Лемке имел прекрасные рекомендации, его проверял сам Брандт – и вот, пожалуйста... Поздравляю вас, Рюкерт! Понравится Брандту – дело нелегкое. А Лемке я уже вернулся в комендатуру – там ему будет лучше.

Мельх говорил оживленно, весело, но Дементьев заметил, что в это время он думает о чем-то другом, что его явно тревожит. Интересно, о чем он думает?

– Я жду ваших приказаний, – раболепно произнес Дементьев.

– Да, да, приказаний... приказаний, – задумчиво проговорил Мельх и посмотрел на часы. – Вот что, капитан: идите отдыхать, а завтра утром – за дело. Вы заслужили отдых, идите. До завтра. – Он вышел из-за стола и буквально вытолкнул Дементьева из кабинета.

«Тут происходит что-то тревожное», – подумал Дементьев и направился к Занделю. Он застал его за странным занятием: в кабинете топился камин, и майор вытряхивал в огонь содержимое ящиков письменного стола.

– Вы теперь поняли то, что я сказал вам в коридоре? – усмехнулся Зандель.

– Прекрасно все понимал и тогда, – равнодушно ответил Дементьев.

– Вы уезжаете с сегодняшним кораблем или завтра? – торопливо спросил Зандель.

– Завтра...

– О, значит, мне оказана высокая честь – я отбываю вместе с Мельхом. И на первом же корабле!..

Дементьев старался казаться совершенно спокойным:

– Я вообще не понимаю, почему такая паника с отъездом? Фронт совершенно неподвижен.

– Здесь – да, но там – нет... – Зандель махнул рукой в сторону.

– Где это?

– Вы младенец, Рюкерт! Не сегодня-завтра англосаксы будут там, куда мы с вами отправляем грузы. Понятно?

– Понятно.

– Это во-первых. Во-вторых, Мельх заботится и о себе. На кой черт ему сидеть в этом мешке? Он свое дело сделал.

– Счастливого пути, майор! – грустно сказал Дементьев. – Я пойду спать.

– До новой встречи, капитан! – Зандель пожал руку Дементьеву. – Вы все-таки славный парень...

– Когда отходит ваш транспорт?

– В полночь...

Дементьев вышел на улицу и медленно пошел в сторону своей квартиры.

Так... Ситуация более или менее ясна: шайка Мельха убегает. Но почему они не берут его с собой? Объяснение может быть только одно: Мельх опасается лишних свидетелей его деятельности в этом городе. Тем более, что Рюкерт не свой, так сказать, человек и только что взят со стороны. Но Мельх мог бы сказать прямо, что «отдел свою работу закончил, и вы, капитан Рюкерт, больше мне не нужны». Зачем ему понадобилась эта игра? «Идите отдыхать, а завтра – за дело». Не скрыта ли тут опасность? Ведь свидетель перестает быть опасным, только когда он мертв. Да, на квартиру, пожалуй, идти не стоит. Но куда же идти?..

Размышления Дементьева были удивительно точными. За полчаса до того, как Мельх отправил его отдыхать, он разговаривал с Брандтом. И действительно, Брандт похвалил Дементьева, а Мельх не отказал себе в удовольствии напомнить Брандту, что слюнявая Лемке проверил он. С этого и начался разговор, во время которого в течение минуты была решена судьба Дементьева.

Брандт насмешливо спросил: «Берете капитана Рюкерта с собой?»

Мельх подумал и покачал головой: «Нет, Брандт. Мы включаемся в слишком большую игру, чтобы допускать самый малейший риск. Рюкерт – человек не нашей среды. Там нам будут нужны люди отборные, каждый самый незначительный исполнитель должен быть рыцарем нашей идеи».

«Но он останется жив и однажды на досуге начнет вспоминать...»

Мельх перебил Брандта: «Об этом должны позаботиться вы. Он ничего не должен вспоминать... – Мельх помолчал и деловито добавил: – Заодно нужно забрать картины в квартире, где он живет. В суматохе чуть не забыл об этой коллекции».

Вот и все. С капитаном Рюкертом было покончено, и они заговорили о другом...

10

Полковник Довгалева после ужина вернулся к себе в отдел и, как всегда, прежде всего зашел на пункт связи:

– Что-нибудь есть?

– Нет. – Радист прекрасно знал, о чем спрашивает полковник.

– Продолжайте слушать внимательно.

И эту фразу Довгалева радист уже слышал не раз.

Дверь за полковником закрылась. Радист поправил наушники и положил чуткие пальцы на ребристый верньер приемника. Эфир был забит сигналами множества раций: и наших, и вражеских. Иногда сквозь хаос сигналов слышались голоса открытой радиосвязи. В этом месиве звуков, казалось, ничего невозможно разобрать. Но ухо радиста так уж устроено, что, появившись в эфире позывные Дементьева, он услышит их так ясно, отчетливо, будто, кроме этих позывных, в эфире полная тишина.

Полковник Довгалева сел за стол и посмотрел на телефон. В это время всегда звонит командующий.

Вот и телефонный звонок.

– Довгалева у телефона... Не получено... Слушаем круглые сутки... Спасибо.

Положив трубку, полковник подвинул к себе папку с донесениями фронтовой разведки. В донесениях говорилось об одном и том же – началась эвакуация войск из мешка. Почему же молчит Дементьев? Неужели он попался? Передал одно неуточненное сообщение и больше ничего не успел сделать? Как полковник ни старался освободиться от этой мысли, она становилась все более назойливой...

Радист ворвался в кабинет Довгалева и, позабыв о всех необходимых воинских условностях обращения к полковнику, крикнул:

– Дементьев!..

Полковник взял бланк расшифрованной радиограммы; руки у него дрожали.

– Спасибо, идите, – сказал он радисту и впился глазами в текст радиограммы.

«Я – 11–17. Сегодня с наступлением темноты выйдет первый транспорт. Это донесение случайное. Продолжайте следить за моими позывными.»

В следующую минуту полковник Довгалева уже говорил с командующим. Еще спустя минуту командующий уже отдавал по телефону приказ командиру корпуса бомбардировщиков. Еще через несколько минут в штабе корпуса бомбардировщиков у военной карты стояли командир корпуса, начальник штаба, штурман и экипажи трех самолетов. Они производили подсчет, в каком месте может оказаться транспорт с наступлением рассвета.

Отправленный Мельхом отдыхать Дементьев оказался в очень сложном положении. Идти на квартиру было опасно: если Мельх отдал приказ ликвидировать его как опасного свидетеля, лучше всего они могли это сделать именно на квартире – без шума, без лишних глаз. Но Дементьев имел теперь точную информацию об отходе первого транспорта, и воинский долг обязывал его немедленно передать сведения полковнику Довгалеву. А рация находится на квартире... Около часа Дементьев бродил по городу и наконец принял решение. Собственно говоря, он принял его в первые же минуты раздумья, потом он только уточнял детали. Решение было такое: идти на квартиру, взять рацию, скрыться где-нибудь в городе и оттуда передать радиограмму, а затем чемодан с рацией сдать на хранение портю в гостинице «Бристоль». Утром же как ни в чем не бывало явиться в отдел. Ну, а если на квартире засада, смело принять бой и погибнуть с честью, как подобает солдату. При обдумывании этого плана страх перед

гибелью ни на мгновение не обжег сердце Дементьева. О возможной гибели своей он думал только как о проклятом обстоятельстве, которое может не позволить ему выполнить приказ.

Да, разведчики – люди особого склада характера и ума. Говорят, во Франции один художник предлагал на безымянной могиле разведчиков установить такой памятник: узкая тропа на гранитной скале, повисшей над пропастью, по тропе навстречу друг другу идут Человек и Смерть, пристально глядят друг на друга и... улыбаются.

Нет, в тот вечер, идя на квартиру, Дементьев не улыбался. Но к грозящей ему смерти он действительно относился без страха, он ее попросту презирал, как нелепую и досадную помеху в его трудном солдатском деле. Вот это и есть презрение к смерти...

На улице перед квартирой ничего подозрительного не было. Дементьев прошел во двор – здесь тоже все как обычно. Войдя в подъезд, он сначала поднялся до самого верхнего этажа, а потом спустился на свой, – не было засады и на лестнице. Дверь в квартиру открыла дочь хозяйки. В ее глазах Дементьев не заметил никакого волнения, она, как всегда, небрежно ответила на его приветствие и прошла в комнату. Дементьев отпер ключом свою дверь, на мгновение задержался и потом быстро вошел в комнату. Не было ничего подозрительного и здесь. И все-таки Дементьев остро чувствовал грозящую ему опасность. Схватив чемодан, он почти бегом покинул квартиру.

Быстрым шагом он прошел Бастионную улицу, свернул на набережную и направился к городской окраине.

Здесь, у морского побережья, город обрывался внезапно и сразу же начинался район дач. Именно сюда и стремился Дементьев, рассчитывая, что в это время года он легко может найти пустующую дачу. Он не знал, что здесь почти все дачи были зимними и в них жили круглый год. Он узнал это только теперь, когда увидел, что к дачам ведут хорошо натоптанные тропки.

На углу улицы Дементьев остановился возле заколоченного досками магазина. У черного хода магазина высилась груда пустых ящиков. Дементьев осмотрелся, быстро прошел за магазин и протиснулся в узкую щель между стеной магазина и ящиками. Не теряя ни минуты, он раскрыл чемодан, сдвинул в нем фальшивое дно, включил радиостанцию и торопливо простучал ключом ту радиограмму, которую так ждал полковник Довгалев...

Передав радиограмму, Дементьев ушел на побережье и посидел там на каменных валунах, раздумывая о своих делах. С горечью отметил он, что дел-то, собственно, еще и не было. Разве только одна сегодняшняя радиограмма... А что будет завтра? Послезавтра? С этой тревожной мыслью Дементьев и вернулся в город.

В это время наши бомбардировщики уже готовились к вылету на перехват первого транспорта с вражескими войсками.

Счастливым избежав встречи с патрулями, Дементьев вышел на площадь перед отелем «Бристоль». Несмотря на поздний час, возле отеля суетились люди, подъезжали и уезжали автомашины; в кузов грузовика, въехавшего на тротуар, солдаты забрасывали офицерские чемоданы. «Только меня здесь и не хватало», – усмехнулся про себя Дементьев и быстро прошел в отель.

Удача! Дежурил тот самый портье, который принимал Дементьева. Портье его узнал и охотно согласился сохранить чемодан до завтра. Дементьев пытался всунуть ему в руки деньги, но портье категорически отказался их взять и при этом непонятно рассмеялся. Только выйдя из отеля, Дементьев понял, почему засмеялся портье: конечно же, нелепо было давать человеку деньги, которые не сегодня завтра превратятся в ничего не стоящую бумажную макулатуру.

В эту ночь Дементьев совершенно не спал. Стараясь держаться подальше от своей квартиры, он бродил по улицам, заходил в подъезды домов, присаживался там на ступени, но, как только начинал чувствовать сонливость, немедленно вставал, выбирался на улицу и шел дальше. Утром, прежде чем направиться в отдел, он решил зайти в порт.

11

Вся площадь перед портом была забита войсками. Дементьев с огромным трудом протискивался через густую, жаркую, раздраженную толпу. Конечно, один вид этой картины не мог не радовать Дементьева. Он подумал, что при таком скоплении войск вряд ли гитлеровцы смогли сохранить строгий режим прохода на оперативный причал, и решил попробовать проникнуть туда. Но его ждало разочарование. Чем ближе он пробивался к оперативному причалу, тем явственнее чувствовал, что с каждым шагом бурливая толпа все заметнее подчинялась какому-то пока еще непонятному Дементьеву порядку. Но вскоре он понял: прославленная немецкая организованность нашла способ навести порядок и здесь. С приближением к оперативному причалу все солдаты и офицеры сами разбивались на группы по двенадцать человек. Тринадцатый – старший в группе. Группы подбирались из знающих друг друга однополчан. Если своих на группу не хватало, ее пополняли чужими, но требовалось, чтобы они тоже знали друг друга. Формирование групп производилось быстро, на ходу, и к контрольному пункту оперативного причала солдаты подходили уже организованно. С техникой проходили только обслуживающие ее солдаты и офицеры...

Первая мысль у Дементьева – примазаться к одной из групп. Нет, это было опасно. Кроме того, могла возникнуть угроза, что он не выберется потом из порта – ведь его могут погрузить на пароход или заставить ждать в строю.

Понаблюдав за проходом войск на оперативный причал, Дементьев пошел обратно. Идти против движения было очень трудно.

Наконец Дементьев вырвался из порта и направился в отдел...

Часовой у входа стоял. Он вытянулся, из-под каски на Дементьева посмотрели тревожные глаза.

В помещении было тихо. Пахло паленой бумагой. В кабинете Мельха весь пол был усыпан черными хлопьями пепла. Пустые ящики его письменного стола валялись у печки. Дементьев прошел в другие комнаты. Везде та же картина. И только в комнате технического секретаря отдела на своем обычном месте, за пишущей машинкой, сидел тощий фельдфебель Ширер. Он встретил Дементьева радостным криком:

– Здравствуйте, капитан Рюкерт!

– Здравствуйте... – сдержанно ответил Дементьев. Он решил разыграть перед фельдфебелем осведомленного во всем человека, который остался здесь не случайно. – В каком состоянии ваши дела?

– По приказу Мельха я уничтожил всю документацию. Очень хорошо, что вы пришли! Рихард Брандт приказал, если вы придете, задержать вас до его прихода.

– Я с ним уже виделся в порту... – спокойно сказал Дементьев. – Скажите-ка, чистые бланки у вас остались?

– Сто шестнадцать штук, – с чисто немецкой точностью ответил фельдфебель.

– Все, что осталось, принесите в кабинет Мельха и придите туда с машинкой. Скорее!

– Один момент!..

Дементьев сидел в кресле Мельха и диктовал Ширеру текст распоряжения:

«Пункт первый. В связи с окончанием работ отдел по организации гражданского тыла ликвидируется. Пункт второй. Фельдфебелю Ширеру сдать мне чистые бланки и пишущую машинку. Пункт третий. Фельдфебель Ширер откомандировывается в распоряжение комендатуры города...»

Дементьев приказал фельдфебелю третий пункт скопировать на отдельном бланке; эту выписку фельдфебелю нужно будет предъявить в комендатуре. Все это время одна мысль, как

пульс, билась в голове Дементьева: сейчас может войти Брандт... Предохранитель на пистолете спущен. Сначала – Брандта, затем – фельдфебеля...

Закончив печатать приказ, Ширер встал и вытянулся перед Дементьевым:

– Разрешите спросить? – Дементьев кивнул. – Мельх ночью сказал мне, что сегодня я буду эвакуирован вместе со второй группой офицеров отдела.

Дементьев вздохнул:

– Со второй группой, Ширер, ничего не вышло. Держаться за меня я вам не советую. Я уеду отсюда последним. Если вообще уеду. Не волнуйтесь, идите в комендатуру. Вы будете эвакуированы на общих основаниях. Здесь не останется ни один солдат рейха – таков приказ фюрера.

Ширер щелкнул каблуками, повернулся и ушел. Дементьев положил в карман чистые бланки, запер пишущую машинку в футляр, взял ее и вышел на улицу. «Первый барьер взят», – думал он, еще боясь радоваться тому, что здесь все сошло так гладко.

Дементьев шел на квартиру. Опасность ждущей его там засады оставалась. Брандт – в городе. Дементьев и на этот раз шел, готовый ко всему. Но не идти он не мог. Как вчера он не мог обойтись без рации, так и сегодня для выполнения задуманного им плана действия ему был необходим надежный приют хотя бы на час. Но сначала надо зайти за чемоданом в отель...

Площадь перед отелем выглядела пустынной, ни одной машины у подъезда. Очевидно, в течение ночи все штабное офицерье перебралось в порт.

Дверь в отель была заперта. Только этого не хватало! Дементьев непрерывно нажимал кнопку звонка, стучал в дверь ногой – никто не появлялся. У Дементьева похолодело сердце... Ошибка! Совершена страшная, непростительная ошибка – он не имел права расставаться с чемоданом! Не имел... Никто, и в первую очередь он сам, не простит этой ошибки. Если чемодана он не получит, тогда... пуля, предназначавшаяся Брандту, совершит единственно справедливое возмездие за ошибку...

В двери щелкнул ключ, и она открылась.

– О капитан! Как хорошо, что вы пришли! Я прямо ума не мог приложить, что делать с вашим чемоданом. Просил ваших коллег, чтобы они его взяли, – никто не берет. А нам приказано отель запечатать...

Дементьев слушал портье и тихо смеялся:

– Спасибо, дорогой... Большое спасибо...

Хозяйка квартиры встретила Дементьева как-то странно: не поздоровалась, смотрела на него с презрительной усмешкой. Ее дочь приоткрыла дверь из своей комнаты, но, увидев Дементьева, с треском ее захлопнула. Только войдя в свою комнату, Дементьев начал догадываться, что произошло в квартире. Стены кабинета были голыми, на полу валялись пустые рамы от картин.

– А где картины? – строго спросил Дементьев у хозяйки, стоявшей в дверях.

– Где? – Хозяйка неестественно засмеялась. – Это я у вас должна спросить.

– Ничего не понимаю... – искренне произнес Дементьев, выжидательно смотря на хозяйку.

– Ночью явился ваш сослуживец и ограбил квартиру.

– В какое время это произошло?

– Около двенадцати...

– Как он выглядел? Смею вас заверить, мадам, это тяжкое недоразумение.

– Это был офицер в кожаном пальто, высокий, с мертвыми глазами.

«Брандт», – сразу догадался Дементьев, но продолжал разыгрывать полное недоумение:

– В кожаном пальто?

– Да.

– Какое у него звание?
– У него знаков различия не было.
– У нас таких нет.
– Странно, а он вас прекрасно знает и очень огорчился, когда узнал, что вас нет. Он даже не поверил мне и глупо искал вас за шкафом и под кроватью.
– Вы, мадам, стали жертвой авантюриста, – убежденно сказал Дементьев.
– Странно, но он называл вас этим же самым словом...
– Меня не интересует, что он говорил. Но я не успокоюсь, пока не найду эту сволочь!
Простите, мадам, но нет ничего мерзостнее мародеров. Что же касается того, что мародер будто бы знал меня, согласитесь, что узнать мою фамилию было не так уж трудно.

Дементьев заметил, что хозяйка начинает ему верить.

– Какая мерзость, какая мерзость! – повторял он, оглядывая голые стены. – Я сегодня же пойду в штаб и, можете мне поверить, сделаю все, чтобы вернуть вам ваши вещи. Слово офицера!

Хозяйка пожала плечами и ушла к себе...

«Главное, что окончательно установлено, – думал Дементьев, – и что таит в себе огромную опасность – Брандт остается в городе. Он был здесь в полночь и потому никак не мог успеть запаковать и погрузить на транспорт картины... Теперь об этом нужно помнить каждую минуту... Конечно, Брандту и в голову не может прийти, что я вернулся сюда, в свою квартиру. А это значит, что пока квартира – самое надежное место. Да, это так, и надо действовать...»

Дементьев запер дверь, включил рацию и передал короткую шифровку:

«Я – 11-17. Порт днем и ночью забит войсками и техникой. Установить час отправления транспорта пока не могу. Наносите удары по порту».

Затем Дементьев вынул пишущую машинку и на чистом бланке напечатал себе заранее продуманное удостоверение. Впрочем, это было скорее не удостоверение, а несколько необычный приказ...

«Капитан Рюкерт П. отвечает за санитарное состояние транспортов, подающихся под погрузку. До сведения капитанов транспортов, администрации порта, командования воинских частей доводится приказ командования: в целях устранения возможности возникновения среди солдат эпидемических заболеваний и переноса их на территорию Германии необходимо беспрекословное подчинение правилам осмотра трюмов и других корабельных помещений, осуществляемого предъявителем сего капитаном Рюкертом П.»

ПРИНЯТО ИЗ БЕРЛИНА ПО РАДИО ЗА ПОДПИСЬЮ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ФОН РЕМЕРА – КОМАНДУЮЩЕГО ОСОБЫМ ЦЕНТРОМ ОРГАНИЗАЦИИ БЛИЖНЕГО ТЫЛА ОБОРОНЫ БЕРЛИНА.

КОПИЯ ВЕРНА...»

Далее следует неразборчивая подпись. Документ венчает печать. Самая настоящая печать из отдела Мельха, которую Дементьев получил из рук фельдфебеля Ширера.

Что говорить, документ получился смелый, рискованный, но Дементьев учитывал психологию военного немца, который всегда цепенеет перед начальственной бумагой из Ставки. Учтена была и общая ситуация войны: паника, появление новых должностей и новых генералов. Впрочем, фон Ремер был весьма реальной фигурой, и он как раз занимался в Ставке делами штабной организации.

12

Перед тем как снова пойти в порт, Дементьев решил поесть и немного отдохнуть. Но только прилег на диван, как мгновенно заснул. С ним это бывало. Однажды он три дня бродил по вражеским тылам, выискивал «языка» из штабных офицеров. Выследив одного, он залег в канаву, чтобы дожидаться темноты, и тут же заснул. Видно, так уж у него была устроена нервная система: перед серьезным делом она требовала отдыха.

Дементьев проснулся оттого, что кто-то подбрасывал его вместе с диваном... Вскочил, ничего не понимая. Тишина. Землетрясение, что ли, приснилось? И вдруг где-то близко-близко затявкали скорострельные зенитки, и тотчас дом задрожал от серии фугасных взрывов.

– Порядок! – весело вслух сказал Дементьев и посмотрел на часы. – Оперативно управились, товарищи летчики! Спасибо вам и за то, что разбудили...

Бомбардировка продолжалась около часа. Было ясно, что удар наносится по порту.

Когда все стихло, Дементьев вышел из дома и направился в порт, предвкушая увидеть там милую сердцу картину. Да, летчики поработали здорово. Еще издали Дементьев увидел горящие пакгаузы. Черный дым пожара гигантским грибом качался над городом. Прилегающие к порту улицы были забиты войсками и техникой, очевидно, выведенными из порта. Среди перемешавшихся в панике солдат сновали офицеры. Они выкрикивали номера воинских частей. На эти крики сбегались солдаты. И эта перетасовка была похожа на игру. Но, так или иначе, немецкая организованность уже действовала.

На территории порта зияли огромные воронки от тяжелых бомб. Трупы убитых уже были уложены аккуратненькими рядками, чуть ли не по ранжиру. В санитарные машины навалом грузили раненых. Кисло пахло сгоревшей взрывчаткой. Дементьев решил, что сейчас самое удобное время для того, чтобы начать действовать в новой своей личине.

Три солдата тащили раненого к санитарной машине. Здоровенный рыжий детина, вращая бешеными глазами, ногами отбивался от солдат и истошно кричал что-то бессвязное. Очевидно, ранен он был легко, но находился в состоянии безумия. А может быть, он просто боялся, что его свезут в госпиталь и он не сможет эвакуироваться. Солдатам никак не удавалось подтащить его к машине, на подножке которой стоял офицер – по-видимому, врач. Вот к нему-то и подошел Дементьев.

– Из-за одного легкораненого, – сердито сказал Дементьев врачу, – вы задерживаете машину! За счет этого времени вы могли бы сделать два рейса до госпиталя.

Врач пренебрежительно посмотрел на Дементьева:

– Это не ваше дело, капитан.

– Нет, мое. Я санитарный инспектор особого назначения.

Врач мгновенно вытнулся. Ведь он был немцем и, как все немцы, боготворил власть. Машина тотчас же уехала. Дементьев пошел дальше. Первая проба сошла отлично. Вдруг Дементьев возле наполовину уцелевшего пакгауза увидел знакомые ящики, те самые, которые он вывез из музея. Ящики лежали беспорядочной грудой, возле них стоял часовой с автоматом. Дементьев протиснулся к часовому и строго спросил:

– Почему грузы без движения?

– Не знаю, – безразлично ответил часовой. – Офицер, чьи грузы, убежал в комендатуру.

Дементьев нырнул в толпу. От этих ящиков надо быть подальше. Наверняка убежавший в комендатуру офицер – это Брандт.

У входа на оперативный причал порядка теперь было значительно меньше. Солдаты уже не группировались своими чертовыми дюжинами, они стояли и сидели как попало, то и дело поглядывая на небо. Видимо, находясь ближе всех к счастливой возможности эвакуироваться,

они решили и во время бомбежки порта не покидать. А может быть, был такой приказ. Но зато на территорию оперативного причала теперь никого не пропускали.

Дементьев пробрался поближе к контрольному пункту и начал пристально вглядываться в лица солдат.

– Дайте вашу руку, – сказал он одному из солдат, у которого лицо было багрового цвета и глаза воспалены.

Солдат послушно протянул руку, Дементьев нащупал пульс и про себя считал его удары.

– Кто ваш командир?

– В чем дело? – К Дементьеву подошел низкорослый лейтенант на кривых ногах. Его лицо, задубелое на морозных ветрах, пересекал глубокий шрам. Ясно, что это был выдавший виды отчаянный вояка. – Что вы тут делаете с моими солдатами? – хриплым голосом спросил он.

– Пока ничего, – усмехнулся Дементьев. – Но ни один больной солдат на борт транспорта не попадет. За это отвечаю я, и таков приказ.

Вокруг Дементьева возник ропот недовольства. Солдата, которому Дементьев щупал пульс, кто-то попытался оттеснить в сторону и спрятать. Но Дементьев вовремя схватил его за руку и обратился к лейтенанту:

– Позовите сюда старшего офицера.

В толпу, окружившую Дементьева, протиснулся офицер с погонами майора:

– Что случилось?

– Посторонний капитан почему-то осматривает наших солдат, – поедая майора преданными глазами, доложил лейтенант.

Майор перевел взгляд на Дементьева.

– Кто вы такой?

– Я санитарный инспектор особого назначения. Есть приказ о том, чтобы на транспортах не было ни одного больного. В Берлине не хватает только эпидемии!

Майор начал снимать перчатки, готовясь принять от Дементьева документы.

Дементьев, изобразив на лице обиду, вынул свою бумагу и протянул ее майору.

Майор был дальновзоркий и читал документ, отстранив его в вытянутой руке. Дементьев пристально следил за выражением его лица, но сухое лицо майора абсолютно ничего не выражало. Прочитав бумагу, он аккуратно сложил ее и вернул Дементьеву:

– Что вы находите у этого солдата?

– Во всяком случае, у него повышенная температура. Остальное необходимо проверить.

– Можно вас на минуточку? – Майор взял Дементьева под руку.

Они выбрались из толпы и подошли к самому контрольному пункту, где их могли слышать только три солдата и лейтенант, охранявшие вход на оперативный причал.

– Можете вы выполнить мою просьбу, просьбу старого солдата? – сказал майор. – Солдат, у которого температура, – один из ветеранов моего полка. Он был со мной еще под Москвой. Оставить его здесь, когда полк уедет, – значит предать его. Если вы хоть один день были на фронте, вы обязаны меня понять и сделать то, о чем я прошу: солдат должен уехать со своим полком.

– Нет, майор. Я такой же солдат, как и вы, и я выполняю приказ.

– Но, может быть, на транспорте есть санитарный изолятор? – не сдавался майор.

Дементьев задумался и сказал:

– Этот транспорт я еще не осматривал. Могу вам пообещать только одно: если на нем есть изолятор минимум на четыре места, я вашего солдата пропущу.

– Когда вы это узнаете?

– Сейчас.

Дементьев направился мимо контрольного поста, но на его пути встал лейтенант – розовощекий юнец с голубыми глазами. Дементьев заметил в его глазах нерешительность. Но тут совершенно неожиданно вмешался майор:

- Что вы делаете, лейтенант? Это санитарный инспектор, отвечающий за всю эвакуацию.
- Должен быть пропуск, – робко вымолвил лейтенант.
- Пожалуйста!

Дементьев протянул лейтенанту все ту же свою бумагу. Лейтенант даже не дочитал ее до конца, вернул Дементьеву и взял под козырек.

– Очень прошу вас, капитан, найдите там, на причале, полковника Кунгеля и представьтесь ему. Без его разрешения я не имею права...

– Мне незачем представляться полковнику Кунгелю, мы с ним давно знакомы... – небрежно сказал Дементьев и пошел к заветному причалу.

Под погрузку только что был поставлен огромный транспорт под названием «Аэлита». Матросы торопливо прилаживали широкие трапы. Это были те самые собирающиеся по сегментам трапы, о которых в кафе толковали три офицера инженерных войск. «Все-таки успели...» – подумал Дементьев. Возле транспорта стояли группа офицеров и, по-видимому, капитан транспорта – полный мужчина в черной морской куртке.

– Простите, господа офицеры... – Дементьев учтиво козырнул всем, – мне нужен капитан «Аэлиты».

- Я капитан, – произнес человек в черной куртке.
- Вот вам мой мандат. – Дементьев дал ему свою бумагу.

Капитан прочитал и снисходительно улыбнулся:

– Что же вы от меня хотите?

– Я должен осмотреть все помещения корабля. И главным образом те, которые займут солдаты. Короче говоря, трюмы.

– Зачем это? – вмешался в разговор полковник с холодным, чуть одутловатым лицом.

– Вы полковник Кунгель? – Дементьев вытянулся.

– Да, я полковник Кунгель.

– Капитан Рюкерт, санитарный инспектор эвакуации. Вот мой мандат.

Полковник брезгливо отмахнулся от протянутой ему бумаги:

– Хорошо, хорошо... Делайте свое дело, но помните: солдаты простят нам, что мы вывезли их отсюда не в каюте первого класса.

– Но вы же понимаете, – с жаром возразил Дементьев, – какую опасность может представить эпидемическое заболевание в условиях...

– Делайте свое дело!.. – раздраженно прервал Дементьева полковник Кунгель и повернулся к капитану «Аэлиты»: – Пусть ему покажут трюмы...

Дементьев осматривал трюмы в сопровождении молчаливого помощника капитана, который шел позади него, хлюпая короткой трубкой-носогрейкой и распространяя едкий дым дешевого табака. Что бы ни говорил Дементьев, он молчал. Наконец они поднялись на палубу.

– Когда отходите? – строго спросил Дементьев.

– Должны были в девятнадцать тридцать, но помешали русские бомбардировщики, – медленно, не вынимая изо рта трубки, проговорил помощник капитана. – Если не помешают, уйдем в двадцать три ноль-ноль. Говорят, есть приказ выходить только в темноте.

– Сколько человек примете на борту?

– Сколько влезет. – Трубка захлюпала, и Дементьеву показалось, что помощник капитана смеется.

– Сегодня уйдут еще и другие корабли?

– Вряд ли... – помощник капитана вырвал изо рта трубку и вдруг заговорил быстро и возмущенно: – Хотел бы я видеть дурака, который придумал эту организацию! Десятки кораб-

лей в страхе перед бомбежкой держат на открытом рейде, а сюда, под погрузку, ставят по одному. Пока мы уйдем, пока пришвартуется другой транспорт, пройдет часа три-четыре, а ведь к этому причалу можно сразу поставить пять кораблей. Дураки! – Он сердито воткнул трубку в рот и снова замолчал.

Дементьев расписался в судовом документе и спустился на причал. Кунгель встретил его насмешливым взглядом:

– Ну, капитан, вам удалось поймать там заразную блоху?

– Трюм в приличном состоянии, – сухо ответил Дементьев и обратился к капитану «Аэлиты»: – Сделайте все, что возможно, в отношении вентиляции.

– Хорошо, – буркнул капитан и посмотрел на часы: – Пора начинать...

Кунгель пошел к пропускному пункту, рядом с ним шагал Дементьев. Полковник, словно извиняясь перед ним, сказал:

– Каждый из нас делает свое дело. Нужно только не мешать друг другу.

– Но все-таки нужно предусматривать все, что можно предусмотреть в смысле заботы о жизни наших солдат.

– Тогда надо начать с того, чтобы запретить русским пользоваться авиацией!.. – Полковнику явно понравилась его шутка, и он долго смеялся, поглядывая на Дементьева. – Капитан, вы бывали на фронте?

– Начиная с Франции и все время, – четко, точно рапортуя, ответил Дементьев.

– Странно, что фронт не убил в вас педанта. Вы понимаете вообще, что происходит?

– Идет война. И мы обязаны сделать все для победы! – восторженно произнес Дементьев.

Полковник посмотрел на него, вздохнул и больше уже ничего не говорил...

Солдаты серо-зеленой лавиной ринулись на оперативный причал. Дементьев вместе с полковником Кунгелем стоял у пропускного пункта, и лейтенант мог убедиться, что они действительно знакомы.

– Когда будут грузить следующий транспорт? – спросил у Кунгеля Дементьев.

– Не знаю, – сухо обронил полковник. – Может быть, ночью.

– Помощник капитана «Аэлиты» сказал мне, что организация эвакуации плохая.

– Да? – Полковник потер ладонью пухлую, до блеска выбритую щеку.

– Он сказал, что одновременно можно грузить пять транспортов, – продолжал Дементьев.

– А генерал Троттер считает, что нужно грузить по одному, – с неясной интонацией сказал Кунгель.

– Надо сообщить ему мнение специалистов-моряков.

– Это сделать очень трудно, капитан: генерал Троттер еще вчера улетел в Берлин.

– Кто-то же остался вместо него?

Полковник промолчал.

– Когда же мне явиться для осмотра следующего транспорта? – почтительно спросил Дементьев.

– Что-нибудь около полуночи, – ответил полковник и отвернулся к лейтенанту пропускного пункта.

– До свидания, полковник Кунгель.

Полковник небрежно козырнул, не оборачиваясь к Дементьеву и не прерывая начатого разговора с лейтенантом.

13

Три дня и три ночи Дементьев осматривал каждый ставившийся под погрузку корабль, присутствовал при его отплытии и немедленно радировал об этой новой цели для нашей авиации. И эти корабли в порт назначения не прибывали. Советские бомбардировщики, торпедоносцы быстро находили их в открытом море и появлялись на их курсе так точно, что гитлеровское командование не могло не подумать о том, что советская авиация получает точные сведения о выходе каждого корабля. Тотчас из Берлина последовал секретный приказ ставки – принять необходимые и самые строгие меры предосторожности.

Дементьев, конечно, ожидал, что гитлеровцев осенит такая догадка, но никаких контрмер против этого он предпринять не мог. Он мог только надеяться, как и прежде, что в панике эвакуации гитлеровцы пеленгацию радиостанций уже не производят.

Глубокой ночью под погрузку стал итальянский транспорт «Венеция». Черная его громада еле виднелась в густой ночной темноте. Ни огонька вокруг, запрещалось даже зажигать спички. Полковник Кунгель был в крайне нервном состоянии. Дементьев не знал, что произошло здесь, на причале, за полчаса до его появления.

А произошло вот что... Как только «Венеция» пришвартовалась, Кунгель поднялся на капитанский мостик. В это время к кораблю подъехали три грузовика с ящиками. Солдаты, прибывшие на грузовиках, немедленно начали таскать ящики на палубу. Помощник капитана пытался их остановить, но тут из темноты вынырнул офицер в кожаном реглане, назвавшийся уполномоченным гестапо Брандтом. Он отбросил помощника капитана от трапа и сказал:

– Я действую по приказу рейхсминистра Гимmlера. За сопротивление – расстрел на месте!

Помощник капитана побежал на мостик и застал там капитана вместе с полковником Кунгелем. Он рассказал им о своей стычке с гестаповцем.

– Кроме меня, здесь никто приказывать не может! – сказал Кунгель и спустился по трапу на причал.

Погрузка ящиков продолжалась. Кунгель подошел к солдатам.

– Остановить погрузку! – крикнул он, и тотчас перед ним возник Брандт. – С кем имею честь? – спросил Кунгель.

– Брандт! Гестапо! А кто вы?

– Полковник Кунгель. Я отвечаю за погрузку.

– Очень хорошо! – Голос Брандта звучал насмешливо. – Это значит, что вы ответственны за погрузку этих ящиков секретного груза. Отправитель и получатель – гестапо. Вам все понятно?

Полковник Кунгель молчал. Случись все это еще вчера, он, не задумываясь, вызвал бы солдат из охраны порта и вышвырнул бы и эти ящики, и этого не предъявившего никаких документов гестаповца. Приказ, которому подчинился и который выполнял Кунгель, говорил только об эвакуации войск... Но сегодня вечером, находясь в штабе, Кунгель имел очень неприятный разговор со своим непосредственным начальником полковником Штраухом о потоплении кораблей русской авиацией.

– У вас никаких подозрений на этот счет нет? – настойчиво спрашивал Штраух.

– Нет, я грузу войска, и все.

– Напрасно. Тот, кто осведомляет русских, должен находиться на оперативном причале, рядом с вами, полковник. У него данные слишком точные. Берлин в бешенстве, и у нас с вами могут быть крупные неприятности.

Вот почему полковник Кунгель сейчас молчал, изо всех сил подавляя в себе раздражение против наглого гестаповца.

- Прошу вас приостановить погрузку, – сказал Кунгель. – Я снесусь со штабом.
- Делайте что хотите, но не мешайте мне выполнять приказ рейхсминистра!

Кунгель пошел к сторожке, где был телефон. Брандт приказал солдатам продолжать погрузку ящиков. Час был поздний – Кунгель с трудом дозвонился до квартиры полковника Штрауха. Выслушав донесение Кунгеля о самовольном действии офицера гестапо, Штраух долго молчал.

– Принимайте решение сами, исходя из обстановки, – наконец сказал он и повесил трубку, явно избегая продолжения разговора.

Кунгель вернулся на причал, и как раз в это время к нему подошел Дементьев. Брандт был на корабле.

На приветствие Дементьева Кунгель не ответил. Солдаты, тащившие ящик, толкнули их.

– Что это за погрузка? – спросил Дементьев у Кунгеля.

– Гестапо, – коротко обронил полковник и отошел в сторону.

В темноте Дементьев не мог рассмотреть надписи на ящиках, а как раз эти надписи были ему знакомы и могли предупредить его, что где-то поблизости находится Брандт.

Дементьев по трапу взбежал на «Венецию» и начал уже ставший ему привычным осмотр судна. Выбравшись из главного трюма, он шел по узкому коридору, вдоль матросских кают.

Коридор был чуть освещен единственной тусклой лампочкой, запрятанной в сетчатый колпак.

Впереди послышались шаги: кто-то шел навстречу Дементьеву. Необъяснимое чувство мгновенно предупредило Дементьева: впереди опасность! Он прижался в угол возле двери. По коридору шел Брандт. Еще десять – пятнадцать шагов, и он увидит Дементьева. Эти шаги измерялись секундами, в течение которых Дементьеву нужно было принять решение.

Брандт все ближе и ближе... Вот он уже занес ногу, чтобы перешагнуть через высокое ребро корабельной переборки. Он видит Дементьева... Но вряд ли он успевает понять, что происходит.

Дементьев с силой ткнул ему пистолет в грудь и выстрелил.

Звук выстрела прозвучал глухо и негромко. Брандт взмахнул руками и грузно повалился на Дементьева. Подхватив обмякшее тело гестаповца, он взвалил его на плечо, поднес к двери, которая вела в трюм, и бросил в черную пропасть. Потом вернулся в коридор, убедился, что никто случившегося не видел, и быстро спустился в трюм. Он запихнул тело Брандта под доски и завалил его бочками.

Через несколько минут Дементьев сошел на причал к полковнику Кунгелю.

– Что это за офицер в кожаном пальто сошел сейчас с корабля по носовому трапу? – спросил Дементьев.

– Хозяин интересовавших вас ящиков, – ответил Кунгель.

Солдаты спустились с корабля на причал, чтобы забрать новую партию ящиков.

Теперь Дементьев уже знал, что это за груз, и лихорадочно обдумывал, как помешать погрузке. С борта «Венеции» Кунгеля позвал капитан. Дементьев остался один...

Солдаты, переругиваясь, тащили ящики к причалу, и вдруг перед ними возникла рослая фигура незнакомого офицера. Это был Дементьев.

– Где здесь солдаты, работающие под командой уполномоченного гестапо Брандта? – строго спросил Дементьев.

– Мы эти солдаты, – ответил один из них.

– Брандт срочно вызван в штаб. Он прислал меня с приказанием прекратить погрузку. То, что погружено, снять обратно на причал и сложить вон там... Быстро! А потом сами можете погрузиться на этот транспорт.

Последние слова Дементьева мгновенно погасили вспыхнувшее было озлобление солдат. Они бросили ящики и весело побежали по трапу на борт «Венеции».

Вернувшись на причал, Кунгель с удивлением смотрел на солдат, тащивших ящики обратно с корабля на причал.

– Что здесь случилось? – спросил он у Дементьева.

– Кто может знать? – безразлично ответил Дементьев. – Гестапо есть гестапо. Прибежал какой-то их офицер, приказал сгрузить все обратно, а солдатам погрузиться на пароход.

«Видимо, Штраух все-таки распорядился», – подумал Кунгель.

«Венеция» отчалила в пятом часу утра. Как только ее черный силуэт растаял в предрасветной мгле, Дементьев покинул порт. А через полчаса его радиограмма об отплытии «Венеции» уже лежала на столе Довгалева.

Передав радиограмму, Дементьев хотел тотчас лечь спать, но вдруг почувствовал страшную слабость. У него не было даже сил упаковать рацию. Лоб покрылся холодной испариной.

«Неужели я заболел?» – с ужасом подумал он.

Расстегнув китель, он приложил руку к сердцу. Оно билось резкими, замедленными толчками. Но температуры как будто не было. И Дементьев понял: это нервы с запозданием реагировали на пережитое им в эту ночь. И тогда все, что случилось, снова прошло перед глазами. Только теперь события разворачивались неторопливо, а главное, впереди уже не было неожиданностей... Постепенно Дементьев успокоился, закрыл чемодан с рацией и прилег.

Всю ночь ему снился один и тот же страшный сон. Будто он подходит к железной двери, на которой прикреплена табличка «Вход воспрещен», и прекрасно знает, что к этой двери нельзя даже прикоснуться, и вдруг на двери, там, где только что была запретная табличка, появляется лицо Брандта, который, прищурясь, смотрит на него и спрашивает: «Боишься?»

Дементьев делал решительный шаг к двери и брался за медную кроваво-красную ручку. Его начинал бить электрический ток. Дементьев хотел оторвать руку, но не мог, терял сознание, падал и просыпался. Несколько минут он сознавал, что все это было в глупом, почти детском сне, успокаивался, но потом снова засыпал и снова оказывался перед железной дверью с табличкой «Вход воспрещен».

14

В семь часов утра Дементьев решительно встал с постели. Боясь разбудить хозяйку, он осторожно прошел в ванную комнату, побрился и умылся холодной водой. Но когда он вышел из ванной, хозяйка уже ждала его в передней. Произошел еще один тягостный разговор. Дементьев упрямо заверял ее, что картины будут найдены. На этот разговор ушла уйма времени. Наконец Дементьев выбрался из дома.

Как и вчера, все улицы вблизи порта забиты войсками, но был уже наведен порядок. Технику расставили по дворам, и на улицах уже не было вчерашней толчеи. На воротах, на стенах домов нарисованы условные номера или символические обозначения частей. Дементьев улыбнулся, увидев нарисованную на облезлых воротах голову льва: царя зверей загнали на грязные задворки.

У входа в порт Дементьев увидел нечто новое. В воротах стояли четыре эсэсовца с автоматами на груди. К сожалению, Дементьев увидел их, уже пересекая площадь, когда свернуть в сторону было поздно – это могло вызвать подозрение. Дементьев только чуть замедлил шаг, чтобы успеть обдумать новую ситуацию. Очевидно, командование решило усилить охрану порта, и все. Смело вперед! У него даже мелькнула гордая мысль: «Это из-за меня».

Дементьев хотел пройти между эсэсовцами, как бы не обращая на них внимания. Один из них выдвинул автомат, и проход оказался закрытым.

– В чем дело? – спросил Дементьев.

– Пропуск.

Дементьев вынул из кармана свою бумагу, но эсэсовец даже не взял ее:

– Нужен новый пропуск.

Другой эсэсовец добавил:

– С сегодняшнего дня введены новые пропуска. Пройдите вон в тот дом...

Это был уже знакомый Дементьеву дом коменданта порта. Он заходил туда, якобы разыскивая какие-то грузы для своего полка. Тогда в коридоре было полно людей, а теперь – ни души. И сразу Дементьев понял, что здесь обосновалось гестапо.

– Где здесь выдают новые пропуска в порт? – обратился Дементьев к проходившему гестаповцу.

– Комната номер девять, – не посмотрев на Дементьева, ответил гестаповец.

Когда Дементьев был уже в трех шагах от этой комнаты, дверь распахнулась и два гестаповца вытащили в коридор пожилого человека в форменной морской фуражке и кителе.

– Выслушайте меня! – кричал человек. – Я сотрудник портовой метеостанции... Моя обязанность...

Какова была обязанность у этого человека, Дементьев уже не расслышал – человека впихнули в другую комнату...

Заходить в девятую комнату или, пока не поздно, вообще уйти отсюда? Но уйти – это значит, что полковник Довгалева больше не получит от Дементьева сведений, транспорты беспрепятственно повезут гитлеровские войска в Германию, и они выступят против Красной Армии. В общем, уйти – значит не выполнять боевого приказа.

На эти размышления Дементьеву понадобилось не больше секунды. Презируя себя за то, что в мыслях могло хотя бы мелькнуть подлое «или», Дементьев решительно открыл дверь и вошел в девятую комнату. Комната была большая. Посередине ее перегораживал длинный стол, за которым сидели рядом два гестаповца. Против двери, в которую вошел Дементьев, по ту сторону стола, была другая дверь. Наверно, раньше в этой комнате производился таможенный досмотр морских пассажиров.

Дементьев закрыл за собой дверь и, как все боевые офицеры гитлеровской армии, не любящие тянуться перед гестаповцами любых чинов, медленно подошел к столу и без всякого обращения спросил:

– Здесь выдают новые пропуска в порт?

– Кто вы такой? – быстро спросил гестаповец.

– Капитан Рюкерт. Я отвечаю за санитарное состояние кораблей.

Гестаповцы переглянулись.

– Ваши документы, капитан?

Дементьев решил сначала предъявить свое офицерское удостоверение. Это был совершенно надежный документ, ибо на нем даже фамилия «Рюкерт» была подлинной.

– Здесь указана дивизия, которой уже нет.

– Совершенно верно, – спокойно согласился Дементьев. – Я из немногих, которым удалось прорваться обратно.

– А каким образом вы вдруг стали заниматься санитарными делами?

– Вернувшись сюда, я получил это назначение.

– Из чего это видно?

Наступает решающий момент – Дементьев вынимает из кармана свою самодельную бумагу и протягивает ее гестаповцам.

Вечностью показались ему минуты, пока гестаповцы порознь, а потом вместе рассматривали непривычный для них документ. Потом они о чем-то тихо переговорили. Один из гестаповцев положил бумагу в стол и сказал:

– Мы обязаны все проверить. Обижаться не следует, капитан. Таково время и положение. В порту действует враг, и это стоит жизни тысячам наших солдат. Явитесь сюда в шестнадцать ноль-ноль... – Гестаповец замялся и добавил: – За пропуском.

Дементьев вышел на площадь. Еще не было двенадцати часов. Впереди четыре часа ожидания. То, что ровно в шестнадцать он войдет в девятую комнату, он знал так же твердо, как свое имя. Но раз уж даны ему эти четыре часа, нужно ими воспользоваться и проанализировать все возможные и невозможные варианты того, что произойдет в девятой комнате в шестнадцать ноль-ноль.

Дементьев вернулся на квартиру и передал короткую радиограмму полковнику Довгалеву:

«Возникли осложнения, слушайте меня вечером...»

15

За четыре часа человек ровной походкой может пройти десять километров. Вероятно, это расстояние Дементьев и вышагал по своей комнате. Заложив руки за спину, с окаменевшим лицом, он ходил из угла в угол, задавая себе самые сложные, самые каверзные вопросы и тут же на них отвечая. Иногда, если ему удавалось придумать такой сложный и опасный вопрос, что сразу ответить на него он не мог, он останавливался и напряженно думал. Ответ найден! На лице Дементьева чуть заметная тень довольной улыбки, и снова он ровным шагом ходит из угла в угол...

В половине четвертого он вышел из дому. Без трех минут четыре он был уже перед дверью в девятую комнату, но решил войти туда точно в назначенное ему время.

Мимо него в девятую комнату прошел один из тех двух гестаповцев. Через дверь Дементьев ясно услышал, как гестаповец, войдя в комнату, удивленно произнес: «Он пришел!» Будто холодным ветром пахнуло в лицо Дементьеву.

Дверь приоткрылась.

– Капитана Рюкерта просят зайти.

Дементьев вошел в комнату, посмотрел на часы, улыбнулся.

– Мне приказано явиться в шестнадцать ноль-ноль. Сейчас без одной минуты... – Говоря это, Дементьев успел заметить, что, кроме двух уже знакомых ему гестаповцев, в комнате находился третий. Все они с любопытством разглядывали Дементьева.

Третий, сидевший в кресле по эту сторону стола, молча показал Дементьеву на стул, стоявший у стены. Дементьев сел. Ясно: третий среди них – старший. Гестаповцы продолжали его разглядывать. Потом тот, третий, перестал на него смотреть и с совершенно безразличным лицом, подняв золотые очки на лоб, начал разглядывать ногти на своих руках. Дементьев уже безошибочно чувствовал, что главная опасность – именно этот флегматичный, бледнолицый гестаповец.

Наконец заговорил один из гестаповцев, которого Дементьев уже знал:

– Капитан Рюкерт, документ, который вы нам предъявили, вызывает подозрение. Кто вам его выдал?

– Начальник отдела по организации гражданского тыла Герман Мельх, – мгновенно ответил Дементьев. – Впрочем, все это указано в мандате.

– Какое отношение названный вами Мельх мог иметь к вопросам санитарного состояния транспорта?

– Этого я не могу знать.

Бледнолицый, продолжая разглядывать ногти, лениво спросил:

– Какова история вашего назначения на этот пост?

– Прошу прощения, господа офицеры, – Дементьев улыбнулся, – но я эту историю, пожалуй, изложить не смогу. Я войсковой офицер, впервые попал в атмосферу больших штабов и, признаться, не успел разобраться в тонкостях структуры даже своего отдела.

Бледнолицый оставил в покое свои ногти, опустил очки и впился в Дементьева острыми, увеличенными стеклами глазами.

– Когда вы попали в Н.?

Дементьев точно назвал число и продолжал:

– Я прибыл сюда ночью и явился в комендатуру штаба. Там мне дали направление в отель «Бристоль»...

– Минуточку, – прервал Дементьев бледнолицый. – На каком участке фронта вам удалось прорваться к своим?

– Линию фронта я перешел на участке дивизии «Гамбург». Сутки после этого я был гостем заместителя начальника штаба дивизии майора Борха.

– Прекрасно... – Бледнолицый встал, подошел к телефону и набрал номер. – Говорит Крамергоф. Мне срочно нужна справка по командному составу дивизии «Гамбург». Прежде всего – фамилию заместителя начальника дивизии... Я жду...

Все в комнате молчали. Дементьев обиженно улыбался. Он прекрасно знал, что сейчас услышит по телефону Крамергоф. Он услышит именно ту фамилию, которую назвал Дементьев. Если вся проверка сведется только к этому, гестаповцы – балбесы. Такими-то заранее подготовленными данными хороший разведчик должен располагать в обязательном порядке.

– Да, я слушаю... Так. Спасибо...

Крамергоф положил трубку и вернулся в свое кресло. Гестаповец, сидевший за столом, сказал:

– Вы остановились на том, что получили направление в гостиницу «Бристоль». Продолжайте.

– Я оказался там в одном номере с майором Занделем, номер комнаты триста пять. Мы, естественно, познакомились. Зандель, узнав мою грустную историю, видимо, проникся ко мне симпатией и помог устроиться при штабе. Он сам работал как раз в отделе Мельха. Но сначала я пошел просить назначения на фронт. К сожалению, я этого назначения не получил. В штабе всем было не до меня. Тогда мне пришлось воспользоваться любезной помощью майора Занделя. В отделе Мельха я занимался эвакуацией музея и библиотеки. Работал вместе с уполномоченным гестапо Брандтом.

– Брандт? – удивленно воскликнул Крамергоф и переглянулся с гестаповцами. – Это интересно! Когда вы последний раз видели Брандта?

– В день, когда я эвакуировал фонды библиотеки. Он принял от меня груз и повез его в порт. Больше я его не видел.

– Разве ваша работа у Мельха на том и закончилась? – спросил Крамергоф, теперь уже не сводя глаз с Дементьева.

– Совершенно правильно. Дальше моя судьба сложилась так. Вечером Мельх вызвал меня, вручил мне тот самый документ, который вызывает у вас подозрение, и сказал, что утром он мне объяснит мои новые обязанности. А когда я утром пришел, уже не было ни Мельха, ни его штаба. Он уехал, кажется, с первым же транспортом. Зачем ему понадобилось таить от меня отъезд, мне непонятно. Он, конечно, поставил меня в глупое положение. Тем не менее свои обязанности я, как мог, исполнял.

– Во время прорыва вашей дивизии вы в руки к русским не попадали? – быстро спросил Крамергоф.

– Если бы это случилось, – Дементьев пожал плечами, – я бы не сидел перед вами.

– Ответьте, пожалуйста, без «если»: были вы в плену хоть один час?

– Ни минуты. Мой батальон попал в окружение в районе торфяных болот. Здесь нас утюжила авиация. Потом я с группой уцелевших солдат выбрался из болота, и лесами, что юго-восточнее прежнего расположения моей дивизии, мы вышли в район позиции дивизии «Гамбург». Ночью с боем прорвались к своим. Уцелело нас трое.

– Кто эти уцелевшие? Их имена и где они сейчас? – мгновенно спросил Крамергоф.

– Иоганн Рихтер, капрал, – так же мгновенно ответил Дементьев. – Он остался в дивизии «Гамбург». Карл Ландхарт, лейтенант, ранен в плечо, положен в госпиталь при штабе дивизии «Гамбург». Третий – я.

Крамергоф злобно рассмеялся:

– Ах, какая точность! Вы же прекрасно знаете, что дивизия «Гамбург» уже эвакуирована отсюда, и потому не бойтесь проверки.

Дементьев обиженно молчал, смотря мимо Крамергофа.

– Слушайте, как вас там... Рюкерт, что ли? Скажите прямо: кто вы на самом деле? – спросил Крамергоф.

Дементьев молчал, не меняя позы.

– Может быть, вы просто господин дезертир? – злобно выкрикнул Крамергоф.

Дементьев резко повернулся и, впившись в Крамергофа бешеным взглядом, заговорил громко, со злостью, чеканя каждое слово:

– Когда мой фюрер вручал мне в Париже Железный крест, я сказал ему: «С вами до конца!» Фюрер сказал: «Идти надо далеко...» И я пошел этим дальним путем, не обходя трудности и не прячась от войны в штабах. Я всегда уважал людей гестапо, считая их верной охраной моего фюрера. И я не верил рассказам о гестапо, распространяемым плохими немцами. А вы, видимо, добиваетесь, чтобы я им поверил. Все равно не поверю, потому что вы всего лишь один из офицеров гестапо. Больше я на ваши вопросы не отвечаю. Можете поступать со мною как хотите. Хайль Гитлер!

В комнате стало тихо. Уголками глаз Дементьев следил за гестаповцами и видел, что его гневная тирада произвела на них впечатление.

Крамергоф привстал, взял со стола самодельный мандат Дементьева и, брезгливо держа его за уголок, уже спокойно сказал:

– Согласитесь, что этот документ странный и не может у нас не вызвать подозрения.

– Не знаю! – резко произнес Дементьев. – Я уже сказал, что я не специалист по штабным документам. На войне я привык выполнять приказ. И эта вызывающая ваше подозрение бумага была для меня приказом, который я свято выполнял. Если вы вправе отменить приказ, сделайте это и, ради всех святых, помогите мне оказаться там, где воюют солдаты, а не... – Дементьев не договорил, твердо смотря в глаза гестаповцу. Он внутренне торжествовал: он видел, что Крамергоф сбит с толку и не знает, как дальше вести разговор.

– Вернемся к вопросу о Брандте, – помолчав, заговорил Крамергоф. – Дело в том, что на имя Брандта в Н. продолжали поступать очень важные распоряжения из ставки. Не дальше как сегодня пришла радиопеписка за подписью Кальтенбруннера, в которой предписывалось во что бы то ни стало разыскать Брандта... Значит, когда вы видели Брандта последний раз?

– В день эвакуации фондов библиотеки, – усмехаясь, ответил Дементьев. – Он принял от меня ящики с грузом и повез в порт. Больше я его не видел. К этому ничего не смогу прибавить, отвечая вам даже в сотый раз.

– Вы полковника Кунгеля знаете? – быстро спросил один из гестаповцев.

Дементьев насторожился.

– Полковник Кунгель... полковник Кунгель... – Выигрывая секунды для обдумывания этой новой ситуации, Дементьев делал вид, что силится припомнить эту фамилию. – Очень знакомая фамилия... Ах, да... Ну конечно! Он был ответственным за погрузку войск на транспорты.

– Совершенно верно! – оживленно подхватил Крамергоф. – Что вы можете сказать о нем?

– Очень немного. Я видел его два или три раза.

– Вы разговаривали с ним?

– Да.

– Не припомните, какие мысли он высказывал, к примеру, о ходе войны?

– Столь общих разговоров у нас не было. Разве только... – по тому, как мгновенно насторожился Крамергоф, Дементьев понял, что он делает правильный ход. – В общем, у меня сложилось впечатление, что Кунгель в порученном ему деле был совершенно не заинтересован. Когда я получил назначение, я сам, учитывая военную ситуацию рейха, выразил Мельху свое недоумение: зачем этот санитарный бюрократизм? Но Мельх разъяснил мне, что речь идет об устранении опасности завезти в Берлин эпидемические болезни, и я понял, что моя работа серьезная, и взялся за нее со всей ответственностью. А полковник Кунгель к моей работе

отнесся насмешливо: он утверждал, что солдатам фюрера неважно, в каких условиях их эвакуируют, лишь бы удрать отсюда. Далее... Моряки критиковали организацию эвакуации, давали совет, как ее ускорить. Я передал их советы Кунгелю, но он отказался к ним прислушаться...

– Что это были за советы?

– Ну, например, чтобы грузить войска сразу на пять кораблей...

– Так, так... – Крамергоф все записывал.

Дементьев видел, что его показания очень интересуют гестаповцев, и догадывался, чем этот интерес был вызван.

...Кунгель был арестован гестапо накануне, но на допросах он очень искусно разбивал все ухищрения гестаповцев сделать его виновным во всех семи смертных грехах. А Крамергофу, головой отвечающему за расследование обстоятельств потопления кораблей, нужно было показать рвение и отдать под расстрел кого угодно, хотя бы того же полковника Кунгеля. Час назад он думал проделать это с Дементьевым, но по ходу его допроса пока отказался от этой мысли. Дементьев давал ему в руки козыри против изворотливого Кунгеля.

Записав все, Крамергоф спросил:

– Вы подтвердите все это на очной ставке?

– Безусловно.

Крамергоф приказал привести Кунгеля. Ожидая его появления, Дементьев еще раз припомнил все свои разговоры с полковником на оперативном причале.

Кунгеля усадили напротив Дементьева. Полковник насмешливо посмотрел на него и спросил:

– Вы тоже зачислены в пятую колонну рейха?

Дементьев не ответил. Крамергоф, повысив голос, сказал:

– Не разговаривать! Вы будете отвечать на вопросы.

– И прекрасно. Разговаривать с вами у меня нет ни малейшего желания! – Лицо Кунгеля сделалось непроницаемым и надменным.

– Капитан Рюкерт, повторите, что говорил вам Кунгель по поводу эвакуации наших войск отсюда.

– Он утверждал, что солдатам фюрера совершенно неважно, в каких условиях их отсюда вывезут, важно – удрать.

– Вы говорили это, Кунгель?

– Нет. Санитарный инспектор из... гестапо сказал неправду... – Теперь Кунгель с ненавистью смотрел на Дементьева.

– Хорошо. Я припомню наш разговор поточнее... – Дементьев сморщил лоб. – Так. Вы разве не говорили мне, что наши солдаты простят нам, что мы вывезем их отсюда не в каютах первого класса?

– Это говорил. Но это же совсем другое. Я думал...

– Абсолютно ясно, что вы думали! – грубо оборвал его Крамергоф.

– Я передавал вам, – продолжал Дементьев, – что моряки критикуют порядок эвакуации и советуют, как лучше ее организовать. Помните, я просил вас довести это до сведения вашего начальства? Вы сделали это?

– Нет, – твердо ответил полковник Кунгель.

– А почему бы вам не прислушаться к советам специалистов и не улучшить организацию эвакуации? – быстро спросил Крамергоф.

– Я выполнял приказ. В армейских условиях рекомендуемая вами самостоятельность недопустима.

– Но вы же не так глупы, чтобы не понимать, что за лучшее проведение эвакуации вас ожидала только благодарность.

– Нет, я как раз настолько глуп, чтобы беспрекословно выполнять тот приказ, который я получил от высшего командования.

– Все ясно. Уведите его! – приказал Крамергоф.

Кунгеля увели.

Несколько минут Крамергоф молчал, устремив задумчивый взгляд в пространство. Потом он обратился к Дементьеву:

– Сейчас мы дадим вам пропуск, и вы сможете продолжать исполнение своих обязанностей. А завтра в девять утра явитесь к нам, ибо на каждый день мы выдаем новые пропуска.

Дементьев улыбнулся:

– Это нетрудно... Если, конечно, каждый день у нас не будет столь подробных бесед...

– В дальнейшем разговоры наши будут короче, – сухо обронил Крамергоф.

Дементьев взял пропуск, направился к двери, но тут же вернулся.

– Вы случайно не знаете: днем погрузка будет?

– Нет. В полночь под погрузку поставят сразу два транспорта, а может, и больше. Нам надо торопиться.

Дементьев тревожно посмотрел на Крамергофа:

– Можно задать вам еще один вопрос?

– Пожалуйста.

– Как обстоят дела там, в Германии?

Крамергоф ответил не сразу. Дементьев заметил, что на мгновение лицо его стало мрачным, но тут же гестаповец изобразил улыбку и сказал:

– Все в порядке, капитан. Война продолжается, а наш фюрер сказал: «Пока есть один немецкий солдат...»

– «... есть и великая Германия!» – подхватил Дементьев и выбросил вверх правую руку. – Хайль Гитлер!

– Хайль! – глухо отозвался Крамергоф.

Дементьев вышел. Когда дверь за ним закрылась, Крамергоф сказал:

– И все-таки с этим Рюкертом что-то нечисто. Чувствую, что нечисто.

– Может, лучше его, на всякий случай, арестовать? – предложил один из гестаповцев.

– Успеем. Давайте-ка установим за ним наблюдение. Сейчас же...

Дементьев прошел по коридору шагов десять, и в это время раздался оглушительный взрыв.

Тяжелая авиабомба, как потом выяснилось, угодила в соседний дом. Воздушная волна вырвала окна и проломила стену в коридоре. Дементьева швырнуло на пол. Маленький осколок стекла вонзился ему в щеку. Оглушенный, он прижался к стене и вытащил стекло из сильно кровоточившей ранки.

Захлопали двери, из всех комнат в коридор выбегали гестаповцы. Не обращая внимания на Дементьева, они, грохоча сапогами, бежали к лестнице, которая вела в убежище. Из девятой комнаты вышел Крамергоф. Он помог Дементьеву встать и повел его в убежище.

В тесном подвале гестаповцы жались к стенам, напряженно прислушиваясь, но взрывов больше не было.

Крамергоф усадил Дементьева на пол, взял из аптечки санитарный пакет и протянул его Дементьеву:

– Перевяжите рану.

– Ерунда, – отмахнулся Дементьев. – Всего лишь кусочек стекла. Нет ли в аптечке йода?

Крамергоф подал йод.

Дементьев продезинфицировал ранку и закрыл ее пластырной заплаткой.

Постепенно в подвале возник разговор, из которого Дементьев выяснил, что и гестаповцев остро волнует все тот же вопрос: когда их эвакуируют? Разговор об эвакуации стал чересчур шумным. Полковник Крамергоф встал и властно крикнул:

– Прошу замолчать! Идите работать!

Гестаповцы, хмуро переговариваясь, начали выходить из подвала. Очевидно, Крамергоф был среди них начальником.

– Вы куда? – обратился он к Дементьеву.

– Пойду на квартиру. Может, смогу немного поспать.

– Скажите ваш адрес... на случай, если вы понадобится еще сегодня.

– Бастионная улица, четыре, квартира девять.

16

Когда Дементьев вышел на площадь, соседний дом, в который попала бомба, еще горел, и возле него суетились солдаты и пожарники. Дементьев быстро пересек площадь и свернул в узкую улочку. Надо бы ему хоть раз оглянуться – тогда он заметил бы, что за ним неотступно следует человек в штатском. Но Дементьев шел не оглядываясь. Впрочем, посланный Крамергофом шпик на этот раз смог установить только то, что Дементьев полковника не обманул и вошел в дом четыре по Бастионной улице. Через минуту шпик доложил об этом по телефону Крамергофу и получил приказ продолжать наблюдение вплоть до следующего дня.

Хозяйка квартиры встретила Дементьева с удивлением:

– Как? Вы еще не уехали?

– А почему я должен уезжать раньше всех? – зло спросил Дементьев.

– Мы с дочерью только что слушали радио... – Хозяйка злорадно улыбнулась. – Бои идут уже в Берлине.

– За слушание и распространение московской пропаганды мы расстреливаем!

Дементьев быстро прошел в свою комнату и захлопнул дверь.

По тому, как лицо хозяйки мгновенно залилось краской, он понял, что угадал, откуда у нее это радостное для него сведение...

Бои под Берлином!

Дементьев вспомнил суровую декабрьскую ночь сорок первого года. Он возвращался из Москвы на фронт, торопился к ночи попасть в свою часть. Дело в том, что эта ночь была новогодняя. Днем, закончив дела в Москве, Дементьев ринулся на Можайское шоссе ловить попутную машину. Подсел в разбитую полуторку. В шоферской кабине ехала женщина-врач – ему пришлось забраться в кузов. А морозец был лихой, да метель еще так крутила, что, как ни сядешь, нельзя упрятать лицо от злых уколов сухого, секущего снега. Но все это не страшно, когда знаешь, что впереди – вечер и ночь среди фронтовых друзей, да еще ночь новогодняя...

Но судьба распорядилась иначе. Где-то за Голицыном мотор полуторки вдруг загрохотал, залязгал и тут же навеки умолк. Шофер неосмотрительно резко затормозил. Полуторку занесло на обочину, и она свалилась в снежную канаву. Дементьев вылетел из кузова и нырнул в сугроб. Шофер открыл капот, посмотрел мотор и радостно закричал:

– Красота! Шатуны полетели! Что я говорил? – Он обратился к врачихе: – Есть правда на свете! Получу теперь новую машину!

Быстро темнело. Тылы, видимо, уже подтянулись за наступающим фронтом, и оттого здесь, недалеко от Москвы, машины по шоссе ходили редко. А в этот вечер их вовсе не было. Нужно было искать приют.

Недалеко от шоссе они по запаху дыма нашли засыпанную снегом землянку, в которой обитали два старослужащих солдата – оба усатые, оба с бородами и оба по-волжски окающие. Они стерегли сгруженные в лесу бочки с бензином. Собственно, бочки те можно было и не стеречь, потому что из-за глубокого снега к ним ни подойти, ни подъехать. Но приказ есть приказ, и старые солдаты его исполняли.

Откровенно сказать, они были даже довольны, что судьба отвела им на войне такое тихое и безопасное место. Дементьев сразу это почувствовал и начал подтрунивать над старыми солдатами. Тогда один из них сказал:

– Ты, товарищ лейтенант, у своего батьки и в проекте еще не был, когда в меня уже стреляли немцы. Стало быть, на той еще войне. А потом, на Гражданской, в меня еще и разные другие стреляли. Не хватит ли головой в решку играть? А бочки-то с бензином, а на том бензине нам еще до Берлина ехать потребуется.

Солдат сказал это со спокойной деловитостью, какая свойственна пожилому крестьянину. О Берлине, до которого ехать придется, он сказал так просто, как, наверно, говаривал в деревне, что по весне придется сеять.

Всю войну потом Дементьев вспоминал слова бородатого солдата. Вспомнил и сейчас. Бои идут в Берлине! И кто знает, может быть, тот старослужащий бородач сейчас стережет какие-нибудь бочки уже под Берлином. И поскольку война явно на исходе, он, наверно, уже толкует о весенней пахоте.

Дементьев улыбнулся своим мыслям. В комнату робко вошла хозяйка.

– Извините меня, господин капитан... – она испуганно смотрела на Дементьева. – Но, может быть, вы меня не совсем правильно поняли?

– Я понял вас прекрасно! – с угрозой произнес Дементьев. – И, пожалуйста, не мешайте мне отдыхать.

Хозяйка поспешно скрылась за дверью. Дементьев запер дверь. Включив передатчик, он задумался, а затем бесшумным ключом быстро простучал радиogramму полковнику Довгалеву:

«Я – 11–17. Сегодня в полночь под погрузку станут два транспорта. Радирую на тот случай, если не буду иметь возможности сообщить об их отплытии».

Если бы кто-нибудь сейчас спросил у Дементьева, почему у него появилось сомнение, что он ночью, как всегда, не передаст очередное донесение, он не смог бы ответить. Появилось – и все. Если хотите, назовите это предчувствием.

Закрыв чемодан и задвинув его под диван, Дементьев прилег и тут же заснул крепким сном сильно уставшего человека.

17

В одиннадцать часов вечера Дементьев вышел на улицу. Его обдало нежным теплом весеннего вечера. В темно-синем небе скупо светились редкие звезды. Влажный ветерок с моря охлаждал лицо. Дементьев почти с удивлением обнаружил, что весна уже в разгаре. Он медленно шел по темной улочке. Наблюдатель гестапо шел за ним шагах в пятнадцати. И снова Дементьев его не заметил. Вспомнилась ему сейчас Тамара. Как-то она в далеком своем Подмоскowie? В тревоге, небось, что нет от него писем. «Не тревожься, родная, и жди. Терпеливо жди...»

...В ворота порта вливалась длинная воинская колонна. Она двигалась почти бесшумно. Изредка звякнет металл о металл или сорвется злое слово ругани...

Новый пропуск действовал безотказно – Дементьев вошел в порт сразу за колонной. Вот и причал. Один транспорт уже стоял пришвартованный, другой маневрировал, подходя к причалу. Там, в темноте, слышались отрывистые возгласы команды, лязг машинного телеграфа, плеск воды...

Дементьев поднялся на причаленный транспорт и, провожаемый помощником капитана, спустился в трюм.

Этот корабль был, очевидно, новым. В трюме – сухо, чисто, несколько ярких ламп освещали каждый его уголок. Придаться было не к чему. Дементьев поднялся к капитану. Неряшливо одетый, небритый капитан равнодушно выслушал Дементьева и положил перед ним судовые документы.

Дементьев расписался и сказал:

– Ваши трюмы в образцовом состоянии.

– Чего нельзя сказать о нашем рейхе, – сказал капитан и засмеялся.

Дементьев недоуменно пожал плечами и вышел из капитанской каюты. Прямо перед ним стоял Крамергоф.

– Работаете, капитан Рюкерт?

– Если это можно назвать работой, – невесело усмехнулся Дементьев.

– Что так мрачны?

– А чему радоваться? На каждом шагу тебе тычут в нос, что Германия погибла.

– Например?

Дементьев глазами указал на дверь капитанской каюты.

Крамергоф кивнул:

– Спасибо, капитан.

Дементьев сошел на причал. Второй транспорт уже пришвартовался, но трапы еще не были спущены. Дементьев прохаживался перед кораблем, обдумывая свой неожиданный экспромт с доносом на капитана транспорта. «Нет, нет, и теперь я поступил правильно. После этого Крамергоф будет верить мне еще больше...»

К Дементьеву подошел спустившийся с корабля Крамергоф.

– Эта грязная свинья не побоялся и мне заявить то же самое, – сказал он, доверительно взяв Дементьева за локоть. – Время, конечно, тяжелое, но не верить – значит предать? Не так ли?

– Конечно! – убежденно воскликнул Дементьев.

– К сожалению, с этой свиньей ничего сделать нельзя. Он поведет транспорт с солдатами.

Но ничего, мы ему это припомним.

Дементьев смотрел на Крамергофа почти с открытым удивлением: неужели он не понимает, что дни гитлеровской Германии действительно сочтены?

На причале с грохотом придвигали трапы ко второму транспорту.

– Пойдемте со мной, – предложил Дементьев Крамергофу.

– С удовольствием. Заодно увижу, что у вас за работа.

Они поднялись на транспорт, и дежурный матрос провел их в трюм. Этот корабль был порядком потрепан. На дне трюма поблескивала вода, а воздух стоял такой затхлый, что трудно было дышать. Крамергоф закашлялся. Дементьев приказал матросу позвать в трюм капитана. Вскоре капитан пришел. Это был богатырь с русой курчавой головой. Его могучую грудь обтягивал черный свитер. Подойдя к Крамергофу и Дементьеву, он выбросил вперед правую руку:

– Хайль Гитлер!

– Хайль! – небрежно отозвался Дементьев.

Крамергоф не ответил.

– Вы что же, капитан, в этом вонючем хлеву думаете везти солдат фюрера? – спросил Дементьев.

– А что я могу сделать? Я действительно недавно возил из Дании коров.

– Даю вам, капитан, два часа. Организуйте откачку воды, откройте настежь все трюмные люки. Вот из тех ящиков сделайте настил по дну трюма. Перед погрузкой я зайду проверю.

– Будет сделано!

Капитан ушел.

Крамергоф хлопнул Дементьева по плечу:

– Молодец, Рюкерт! Свой хлеб едите не зря.

К трем часам ночи погрузка солдат была закончена, оба транспорта выбрали якоря и ушли.

Дементьев направился домой. И тогда обнаружил за спиной наблюдателя. Это произошло случайно.

...Дементьев вышел из ворот порта и пошел вдоль высокого забора. И вдруг звезда бесшумно покатила наискось по черному небу, оставляя за собой бледный, быстро таящий след. Дементьев непроизвольно замедлил шаги. Наблюдатель, старавшийся идти с ним в ногу, прозевал это замедление, сделал лишний шаг, и Дементьев его услышал. В такую позднюю пору идти мог только наблюдатель. Дементьев решил убедиться в этом получше. Он сошел с тротуара, быстрым шагом пересек площадь. Повернул за угол и выглянул оттуда – человек бежал через площадь. Дементьев пошел дальше. Да, сомнений быть не могло: слежка.

Что это могло означать? Прежде всего то, что Крамергоф ведет двойную игру. Но не проще ли ему было арестовать его, когда он явился в гестапо за пропуском?.. Проще-то проще, да это ничего ему не дало бы. Крамергоф убедился в этом на первом допросе. Ну, конечно, они решили сначала узнать о нем все, что можно. «Ну что ж, пожалуйста! Мы будем вести себя как можно спокойнее и постараемся всячески облегчить работу наблюдателю».

Дементьев свернул на улицу, параллельную Портовой, и пошел по ней в направлении к своему дому. Он шел шумно, не торопясь, а перед своим домом замедлил шаг ровно настолько, чтобы наблюдатель мог точно установить, в какой подъезд он вошел.

Быстро поднявшись на один лестничный пролет, Дементьев остановился и замер. Войдет ли наблюдатель в подъезд? Нет. Вот он прошел мимо двери, остановился... пошел назад.

Дементьев взбежал на свой этаж и открыл дверь ключом. Не зажигая света, он быстро выдвинул чемодан, открыл и включил рацию. Нужно немедленно сообщить о выходе двух транспортов. Это самое главное. Вероятно, наблюдатель сейчас сообщит по телефону, что объект дома. Даже если они немедленно организуют налет на квартиру, у Дементьева есть те десять – пятнадцать минут, которых достаточно, чтобы передать радиogramму. И еще с двумя транспортами будет покончено. Ну, а после этого... Ключ привычно, быстро выстукивал точки и тире.

Радиogramма передана. Дементьев задвинул фальшивые днища чемодана, хотел его закрыть, но передумал: пусть стоит возле дивана раскрытым. Обыкновенный чемодан с обыкновенными вещами, в которых хозяин рылся, перед тем как лечь спать.

Дементьев снял шинель, не спеша разделся и лег в постель. Около часа он не засыпал, ожидая визита гестапо. Он был уверен, что такой визит последует, но почему-то не считал нужным спастись от него бегством. Мне, рассказчику, знающему, что будет дальше, хочется крикнуть Дементьеву: «Беги!» Но он меня не услышит. А заочно судить его за то, что он не спасается, я не собираюсь... Но, видимо, налет на его квартиру пока не входил в план Крамергофа. Дементьев заснул.

18

Потом ему показалось, что весь остаток ночи он видел один и тот же сон. Со всех сторон его обступали невидимые люди, они по очереди произносили его фальшивое имя: «Рюкерт, Рюкерт». Он старался по звуку голосов увидеть этих людей, но они были невидимы. И снова то за спиной, то откуда-то сверху раздавалось все то же слово: «Рюкерт, Рюкерт, Рюкерт!»

– Рюкерт, откройте! – вдруг прозвучало ясно, громко и уже наяву.

Дементьев не успел сообразить, что происходит, как дверь с треском распахнулась. Выломанный дверной замок отлетел к стене. В комнату с пистолетами в руках ворвались четверо гестаповцев во главе с Крамергофом. Один из них зажег свет. Другой встал в ногах Дементьева, направив на него пистолет. Дементьев, не поднимаясь, с удивлением смотрел на ворвавшихся.

– Кончайте, Рюкерт, спектакль! Где наша радиостанция? – весело, почти дружелюбно сказал Крамергоф и сел на стул в трех шагах от постели Дементьева, держа наведенный на него пистолет.

– Я ничего не понимаю, полковник... Что здесь происходит? Объясните... – Дементьев медленно, лениво спустил с постели ноги, сел и начал неторопливо одеваться. – Извините, что принимаю в таком виде. Я сейчас оденусь...

Дементьев посмотрел на часы. Было пять часов утра.

Крамергоф махнул рукой гестаповцам:

– Ищите!

Обыск был очень тщательным. Гестаповцы поднимали паркет, простукивали стены, сбросили с полок все книги, распоролы мягкие кресла. В это время Крамергоф не сводил глаз и пистолета с Дементьева, который оделся и сидел на диване, с улыбкой наблюдая за гестаповцами, производившими обыск. Его попросили пересесть на стул. Диван был распорот, как и кресла.

Гестаповцы прекратили обыск и выжидающе смотрели на Крамергофа.

– Обыскать всю квартиру! – приказал он.

Гестаповцы ушли в комнаты хозяйки.

– Где радиостанция? – тихо, почти доверительно спросил Крамергоф.

– Какая радиостанция? – Дементьев рассмеялся с обезоруживающей искренностью. – Честное слово, мне кажется, что все это происходит во сне.

– Та самая радиостанция, – все так же тихо продолжал Крамергоф, – появление которой в эфире было зафиксировано ровно через пять минут после того, как вы вошли в свою квартиру, и по сигналу которой на перехват транспортов, наверно, уже вылетели русские бомбардировщики.

– Самое дикое недоразумение из всех, что я пережил! – возмущенно произнес Дементьев.

Взгляд Крамергофа остановился на раскрытом чемодане. Дементьев замер.

– Возможно, конечно, что я подал сигнал при помощи грязного белья... – Дементьев кивнул на чемодан и засмеялся. – После того, что произошло, вам остается только убедить меня и в этом.

Крамергоф ногой придвинул к себе чемодан и выбросил из него все вещи, безразлично беря их двумя пальцами. Дно чемодана оголилось, Крамергоф нагнулся и постучал по нему пальцами. Видимо, звук вызвал у него подозрение. Он громко крикнул:

– Прошу сюда!

Все остальное измерялось секундами. Дементьев вскочил со стула, наотмашь ударил Крамергофа по виску, и тот упал на пол. Двумя прыжками Дементьев достиг окна, вскочил на подоконник, спиной проломил раму и прыгнул во двор.

19

Вот уж верно, что у смелого солдата воинское счастье в кармане. Дементьев приземлился на ноги и, еле удержав равновесие, ринулся за выступ дома.

И тут же из окна загремели выстрелы.

Бежать на улицу нельзя: там наверняка засада.

Дементьев заблаговременно изучил двор своего дома. Он знал, что в левом его углу, в узком проходе между домами, где хранятся железные банки для мусора, есть забор, за которым начинается соседний двор с выходом на параллельную улицу. Дементьев побежал туда, но в это время хлестнули два выстрела с противоположной стороны двора. Жгучая боль ударила Дементьева в спину.

В туннеле ворот слышались голоса, топот сапог. Дементьев продолжал бежать. Позади беспрерывно стреляли, но в предрассветном мраке гестаповцы плохо видели бегущего.

Вот и проход между домами. Дементьев вскочил на мусорные банки, с разбегу ухватился за верх забора, хотел подтянуться, но страшная боль в плече сбросила его с забора обратно на банки. Он присел и пружинным прыжком, помогая себе левой рукой, взвалился на забор и перекувырнулся на соседний двор. Через ворота он выбежал на параллельную улицу и побежал направо к центру города. Он знал, что неподалеку есть узенькая кривая улочка. Скорей туда!

Сутулясь от боли в плече, Дементьев бежал по извилистой улице, понемногу успокаиваясь: погони позади не слышно.

Почему он бежал к центру города? Где он там надеялся укрыться? Не лучше ли было бежать к окраине?

Но где-то там, в центре, была явочная квартира Павла Арвидовича. Не столько рассчитывая умом, сколько чувствуя сердцем, Дементьев бежал именно туда – ведь во всем большом городе только там были его друзья, на помощь которых он мог рассчитывать.

Может быть, в эту минуту он забыл приказ, запрещающий ему подвергать риску явочную квартиру... Или, может быть, ему вспомнились слова полковника Довгалева: «Только по самой крайней необходимости...» Нет, нет и нет!

Дементьев был из тех людей, для которых военный приказ – святое и непреложное дело чести.

Поэтому, хотя он и бежал по направлению к явочной квартире, он прекрасно знал, что туда не пойдет, и поэтому все время лихорадочно думал: куда бежать дальше? Где скрыться?

Довольно быстро светало. Любой случайный человек заподозрит неладное, увидев бегущего немецкого офицера без фуражки, в кителе, вся спина которого набрякла кровью. Кроме того, Дементьев знал, что сейчас на ноги будет поднята вся городская комендатура. Словом, в его распоряжении были минуты. И тут Дементьев вспомнил чистенького старичка – смотрителя музея, того самого, который так неумело пытался скрыть подмену ценных картин.

Решение принято. Дементьев бежит в музей.

К громадному зданию музея во дворе лепилась маленькая пристройка, в которой и жил смотритель.

Вбежав во двор, Дементьев несколько минут прислушивался: нет ли погони? На улице было тихо. Дементьев поднялся на высокое крыльцо пристройки и нажал кнопку на двери. Где-то в глубине домика еле слышно прозвучал звонок. Тишина. Но вот Дементьев заметил, как в угловом окне шевельнулась занавеска. Он позвонил еще раз.

Голос из-за двери:

– Кто там?

– Откройте, ваши друзья, – по-русски сказал Дементьев.

– Скажите, кто?

– Советский офицер. Откройте скорей, за мной гонятся...

Несколько минут за дверью было тихо. Потом разногласо залязгало железо многочисленных запоров, и дверь открылась. Перед Дементьевым стоял смотритель музея, в халате, со свечой в руках. Он сразу узнал Дементьева и отпрянул от двери. Свеча погасла.

– Заприте дверь, – тихо, но властно приказал Дементьев.

Старичок послушно запер дверь.

– Зажгите свет!

Старичок долго искал по карманам спички и наконец зажег свечу.

– Извините меня, но я действительно советский офицер, и я попал в беду. Ранен. За мной – погоня.

Старичок молчал, не сводя с Дементьева округлившихся глаз. Он явно не верил Дементьеву.

– Я говорю правду. Должен сказать вам, что, вероятно, мне удалось спасти ваши картины. Ящики с ними остались в порту.

Но еще долго смотритель музея ничему не верил и молчал. Дементьеву пришлось рассказать о себе немного больше, чем он имел право сделать.

Постепенно старичок приходил в себя и, кажется, начинал верить тому, что слышал.

– Спрячьте меня! – попросил Дементьев. – Мне больше от вас ничего не надо. Только спрячьте и помогите мне сделать перевязку.

Смотритель музея помолчал, потом взял со стола свечу:

– Идемте.

Оказалось, что из пристройки был прямой ход в музей.

Смотритель провел Дементьева в подвал-хранилище и, указав ему укромное место за грудой ящиков, ушел. Вскоре он вернулся, принес бинт и целый сверток разных лекарств.

Рана оказалась не очень опасной. Пуля по касательной ударила в нижнюю часть правой лопатки, раздробила ее и, уже обессиленная, неглубоко ушла под кожу.

Смотритель при помощи ножниц сам извлек пулю, залил рану йодом и искусно забинтовал.

– Кушать хотите? – спросил он, закончив перевязку.

– Нет. Буду спать. Самое лучшее для меня сейчас – сон. Если можно, приготовьте мне какую-нибудь штатскую одежду.

– Хорошо.

– Сюда никто не придет?

– Нет. Музей закрыт... с вашей помощью... – Старичок чуть заметно улыбнулся.

– Ничего. Скоро откроете, – сказал Дементьев и тоже улыбнулся.

Три дня пролежал Дементьев в подвале музея.

Смотритель часами просиживал возле него, и они беседовали обо всем на свете.

Рана заживала плохо. По ночам Дементьева изнуряла высокая температура. На четвертый день ему стало совсем плохо. Иногда он чувствовал, что теряет сознание.

Смотритель еще в первый раз предложил Дементьеву позвать своего друга, профессора-хирурга, уверяя, что этот человек надежный. Дементьев наотрез отказался, полагая, что, чем меньше людей будут знать о его существовании, тем лучше. Но теперь он решил согласиться.

К концу дня смотритель привел угрюмого, костлявого человека с наголо бритой головой. Не поздоровавшись, тот сел возле Дементьева на ящик, поставил на пол маленький чемоданчик и взял руку раненого.

– Та-ак... – произнес он протяжно и начал разбинтовывать плечо. – Та-ак, – снова произнес он, осмотрев рану, и затем сказал что-то смотрителю по-латышски.

Тот поспешно ушел. Профессор достал из чемоданчика инструменты. Дементьев лежал ничком и только слышал отрывистое звяканье стали.

Вернулся смотритель, неся кастрюлю с кипятком. Продезинфицировав инструменты, хирург неожиданно добрым голосом попросил:

– Пожалуйста, потерпите немножко.

Но терпеть пришлось долго: обработка раны длилась больше часа. Наркоз не делался, и Дементьев от боли несколько раз терял сознание. Но вот боль начала заметно ослабевать. Дементьев почувствовал опустошающую усталость и незаметно для себя заснул.

20

Два дня полковник Довгалев не докладывал командованию о том, что рация Дементьева в эфире не появляется. Полковник сперва не хотел и думать, что с Дементьевым случилось что-нибудь плохое. Ведь уже был у него перерыв в связи – правда, меньше, но был. А потом длительная работа с военными разведчиками научила полковника терпеливо ждать даже тогда, когда кажется, что ждать уже нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.